

ISSN 2712-9535

ПОЛИЦЕЙСКИЙ ВЕСТНИК

ВСЕРОССИЙСКОГО ИНСТИТУТА
ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ СОТРУДНИКОВ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 1 (14) 2026

**ПОЛИЦЕЙСКИЙ ВЕСТНИК
ВСЕРОССИЙСКОГО ИНСТИТУТА
ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ СОТРУДНИКОВ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

№ 1 (14) 2026

Учредитель: Федеральное государственное казенное учреждение
дополнительного профессионального образования
«Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

ЭЛЕКТРОННОЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

*Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(свидетельство о регистрации СМИ
Эл № ФС77-78855 от 7 августа 2020 г.)*

*Включено в Научную электронную библиотеку
и систему Российского индекса научного цитирования
URL: <http://www.elibrary.ru>*

Издается с 2019 года
Периодичность выхода: два раза в год

*На страницах электронного периодического издания
освещаются проблемы правового, организационного,
педагогического, психологического, экономического характера,
связанные со служебной деятельностью сотрудников полиции*

**POLICE BULLETIN
OF THE ALL-RUSSIAN INSTITUTE
FOR ADVANCED TRAINING OF EMPLOYEES
OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

№ 1 (14) 2026

Founder: Federal state institution of additional professional education
«All-Russian Institute for advanced training of employees of the Ministry
of internal Affairs of the Russian Federation»

ELECTRONIC PERIODICAL

*The periodical is registered by the Federal Service for Supervision
in the Field of Communication, Information Technologies and Mass Communications
(the Certificate of registration Эп № ФС77–69876 dated August 7, 2020)*

*Included in the Scientific Electronic Library
and the Russian Science Citation Index system
URL: <http://www.elibrary.ru>*

Published in 2019
Publication frequency: twice a year

*The pages of the electronic periodical
highlight the problems of a legal,
organizational, pedagogical, psychological, economic nature associated
with the official activities of police officers*

© Advanced Training Institute of the MIA of Russia, 2026

Председатель:

Костенников Михаил Валерьевич, заместитель начальника ВИПК МВД России по научной работе, доктор юридических наук, профессор, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации.

Главный редактор:

Куракин Алексей Валентинович, профессор кафедры подготовки сотрудников полиции в сфере охраны общественного порядка и транспортной безопасности Учебного центра подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка ВИПК МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Секретарь:

Коврова Вера Геннадьевна, заместитель начальника кафедры кадрового обеспечения и управления персоналом в органах внутренних дел Учебного центра кадрового, психолого-педагогического и медицинского обеспечения деятельности органов внутренних дел ВИПК МВД России.

Члены:

Григорьев Виктор Николаевич, ведущий научный сотрудник ФКУ «НИИ ФСИН России», доктор юридических наук, профессор;

Зиборов Олег Валентинович, первый заместитель начальника Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор;

Ичитовкина Елена Геннадьевна, главный психиатр МВД России, доктор медицинских наук, доцент;

Кузьмин Алексей Владимирович, начальник Центра профессиональной подготовки им. Героя России майора милиции В. А. Тинькова ГУ МВД России по Московской области, доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент;

Малахов Валерий Петрович, профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

Мешалкин Сергей Николаевич, начальник 4 отдела НИЦ № 2 ВНИИ МВД России, доктор юридических наук, профессор;

Подлипняк Юрий Филиппович, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Сигалов Константин Елизарович, профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, кандидат философских наук, профессор;

Харитонов Александр Николаевич, профессор кафедры подготовки сотрудников полиции в сфере охраны общественного порядка и транспортной безопасности Учебного центра подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка ВИПК МВД России, доктор юридических наук, профессор;

Чвякин Владимир Алексеевич, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью в медиаиндустрии Московского политехнического университета, доктор философских наук, кандидат медицинских наук, профессор;

Шедько Юрий Николаевич, профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор.

Публикуемые материалы отражают точку зрения автора, которая может не совпадать с мнением редколлегии.

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях.

Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.

Перепечатка материалов электронного периодического издания допускается только по согласованию с редакцией.

Плата с авторов за публикацию рукописей не взимается. Рукописи не возвращаются.

Chairman:

Kostennikov Mikhail Valerevich, Deputy Head, AATI of the MIA of the Russian Federation (for academic affairs), Doctor in Law, Professor, Honored Employee of the MIA of the Russian Federation.

Editor in Chief:

Kurakin Aleksey Valentinovich, Professor, Department of Migration Service Staff Training of the Police Training Center for Public Order Protection, AATI of the MIA of the Russian Federation, Doctor in Law, Professor.

Secretary:

Kovrova Vera Gennadievna, Deputy Chief, Department of Personnel Support and Personnel Management in the Internal Affairs Bodies, Center for Personnel, Psychological and Pedagogical and Medical Support of Internal Affairs Bodies' Activity, AATI of the MIA of the Russian Federation.

Members:

Grigoriev Victor Nikolaevich, Senior Researcher, National Research Institute of the MIA of the Russian Federation, Doctor in Law, Professor;

Ziborov Oleg Valentinovich, First Deputy Head, V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of the Russian Federation, Doctor in Law, Professor;

Ichitovkina Elena Gennadievna, Chief Psychiatrist, the MIA of the Russian Federation, Doctor in Medicine, Associate Professor;

Kuzmin Aleksey Vladimirovich,

Head of the Center for Professional Training named after Hero of Russia, Police Major V. A. Tinkov, Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Moscow Region of the MIA of the Russian Federation, Doctor in Pedagogy, PhD in Law, Associate Professor;

Malakhov Valerii Petrovich, Professor, Department of Theory of State and Law, V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of the Russian Federation, Doctor in Law, Honored Employee of the Higher School of the Russian Federation, Honored Employee of the Higher Professional Education of the Russian Federation;

Meshalkin Sergey Nikolaevich, Head, the 4th Scientific Research Department, Center No. 2, National Research Institute of the MIA of the Russian Federation; Doctor in Law, Professor;

Podlipnyak Yurii Filippovich, Doctor in Pedagogy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Sigalov Konstantin Elizarovich, Professor, Department of Theory of State and Law, V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of the Russian Federation, Doctor in Law, PhD in Philosophy;

Kharitonov Alexander Nikolaevich, Professor, Department of Police Training in the Field of Transportation Security, Training Center for Community Policing Units, AATI MIA of the Russian Federation, Doctor in Law;

Chvyakin Vladimir Alekseevich, Professor, Department of Advertising and Public Relations in the Media Industry, Moscow Polytechnic University, Doctor in Philosophy, PhD in Medicine;

Shedko Yurii Nikolaevich, Professor, Finance University under the Government of the Russian Federation, Doctor in Economics.

Authors are responsible for publications contents and facts reliability.

Citation of reference sources is obligatory in case of reprint or reproduction by any means.

Copyright violation is prosecuted.

Reprinting of materials from an electronic periodical is allowed only by agreement with the editors.

Publication is for free. Manuscripts are not returned.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Петров В. Е. / Petrov V. E.

ЛИЧНОСТНЫЙ ВЫБОР

КАК ОСНОВА ГОТОВНОСТИ ЛИЧНОГО СОСТАВА К ВЫПОЛНЕНИЮ ЗАДАЧ
В УСЛОВИЯХ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

9

PERSONAL CHOICE AS THE BASIS FOR THE READINESS

OF PERSONNEL TO PERFORM TASKS IN A SPECIAL MILITARY OPERATION

9

Зарецкая С. А. / Zareckaiy S. A.

ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВ

И ОТРАБОТКИ ПРАКТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ

В ОБЛАСТИ ГРАЖДАНСКОЙ ОБОРОНЫ

В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

15

ON THE RELEVANCE OF STUDYING THE THEORETICAL FOUNDATIONS

AND PRACTICAL SKILLS DEVELOPMENT IN THE FIELD OF CIVIL DEFENSE

IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

15

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Попова А. А. / Popova A. A.

Коврова В. Г. / Kovrova V. G.

Соколовская Н. С. / Sokolovskay N. S.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

РАБОТЫ С ДОКУМЕНТАМИ, СОДЕРЖАЩИМИ СВЕДЕНИЯ,

СОСТАВЛЯЮЩИЕ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ТАЙНУ

23

ORGANIZATIONAL AND TACTICAL BASES OF WORKING WITH DOCUMENTS

CONTAINING INFORMATION THAT IS A STATE SECRET

23

Кашкин О. И. / Kashkin O. I.

Храмов М. Е. / Khramov M. E.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

ПРАКТИЧЕСКИХ ОРГАНОВ НА НОВЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СИСТЕМЕ МВД РОССИИ

29

CURRENT ISSUES OF INTERACTION BETWEEN PRACTICAL BODIES

IN NEW TERRITORIES AND EDUCATIONAL ORGANIZATIONS

IN THE SYSTEM OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

29

ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

Шогенов Т. М. / Shogenov T. M.

Карданов Р. Р. / Kardanov R. R.

ЦИФРОВЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ:

КОЛЛИЗИИ ДОПУСТИМОСТИ

И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

34

DIGITAL EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS: ADMISSIBILITY CONFLICTS

AND PROSPECTS FOR PROCEDURAL REGULATION

34

СОДЕРЖАНИЕ

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Абдурахманов А. А. / Abdurakhmanov A. A.

Красиков В. С. / Krasikov V. S.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НАУЧНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ

О СТРАТЕГИИ В КРИМИНАЛИСТИКЕ И ВОЕННОЙ НАУКЕ

39

COMPARATIVE ANALYSIS OF SCIENTIFIC POSITIONS

ON STRATEGY IN CRIMINOLOGY AND MILITARY SCIENCE

39

Никуличева И. В. / Nikulicheva I. V.

Карданов Р. Р. / Kardanov R. R.

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ

ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ

В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА

47

ON THE ISSUE OF THE RELEVANCE OF USING SPECIAL KNOWLEDGE

IN THE FRAUD INVESTIGATION PROCESS

47

Каунов А. В. / Kaunov A. V.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ

С ПРАВОВЫМ РЕГУЛИРОВАНИЕМ

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

52

В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

PROBLEMATIC ISSUES RELATED TO THE LEGAL REGULATION

OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES

IN THE FIELD OF COMBATING ORGANIZED CRIME

52

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Никитенко С. В. / Nikitenko S. V.

ПРОФИЛАКТИКА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ ПОЛИГРАФОЛОГА:

ДИАГНОСТИКА, РИСКИ И ПРАКТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ

СОХРАНЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ

58

PREVENTING EMOTIONAL BURNOUT IN POLYGRAPH EXAMINERS:

DIAGNOSIS, RISKS, AND PRACTICAL STRATEGIES

FOR MAINTAINING PROFESSIONAL RESILIENCE

58

Напалкина Ю. А. / Napalkina Y. A.

ПСИХОЛОГИЯ МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА

64

В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

THE PSYCHOLOGY OF YOUTH EXTREMISM IN MODERN SOCIETY

64

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ПРАВА

Шалов К. С. / *Shalov K. S.*

ЮРИДИЧЕСКИЕ ФИКЦИИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ:

ЭВОЛЮЦИЯ КЛАССИЧЕСКОГО ПРИЕМА

ОТ «НЕРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА» К ИСКУССТВЕННОМУ ИНТЕЛЛЕКТУ 71

LEGAL FICTIONS IN THE DIGITAL AGE:

EVOLUTION OF THE CLASSIC TECHNIQUE

FROM «UNBORN CHILD» TO ARTIFICIAL INTELLIGENCE 71

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Таказова Е. А. / *Takazova E. A.*

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ 78

THE HISTORY OF THE SOVIET MILITIA 78

ПЕТРОВ ВЛАДИСЛАВ ЕВГЕНЬЕВИЧ

доктор психологических наук, доцент

Московский государственный психолого-педагогический университет

(Москва, Россия)

v.e.petrov@yandex.ru

ЛИЧНОСТНЫЙ ВЫБОР КАК ОСНОВА ГОТОВНОСТИ ЛИЧНОГО СОСТАВА К ВЫПОЛНЕНИЮ ЗАДАЧ В УСЛОВИЯХ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Аннотация. В статье приводятся результаты эмпирического исследования детерминант психологической готовности личного состава к выполнению задач в условиях специальной военной операции. На основе авторской модели личностного выбора участия в экстремальном добровольчестве, по результатам анкетирования и психологического тестирования 92 респондентов установлено, что готовность сотрудников (военнослужащих) к экстремальной деятельности определяется степенью выраженности таких характеристик, как: «целостность мировоззрения», «идейность», «просоциальные ценностные ориентации», «склонность к экстремальной деятельности», «самоотверженность», «экстремальная жизнеспособность». Показано, что готовность детерминируют именно духовно-нравственные основы и просоциальная идентичность личности личного состава. Статья актуализирует перспективы совершенствования морально-психологического сопровождения личного состава силовых ведомств, подтверждает значимость развития психотехнологий работы с сотрудниками.

Ключевые слова: личностный выбор, мотивация, готовность к деятельности, просоциальные ценностные ориентации, идейность, целостность мировоззрения, экстремальная жизнеспособность, самоотверженность

Для цитирования: Петров В. Е. Личностный выбор как основа готовности личного состава к выполнению задач в условиях специальной военной операции // Полицейский вестник ВИПК МВД России. 2026. № 1 (14). С. 9–14.

PETROV VLADISLAV E.

doctor of psychological sciences, associate professor
Moscow state psychological and pedagogical university
(Moscow, Russia)

PERSONAL CHOICE AS THE BASIS FOR THE READINESS OF PERSONNEL
TO PERFORM TASKS IN A SPECIAL MILITARY OPERATION

Abstract. The article presents the results of an empirical study of the determinants of psychological readiness of personnel to perform tasks in a special military operation. Based on the author's model of personal choice to participate in extreme volunteerism, according to the results of a survey and psychological testing of 92 respondents, it was found that the readiness of employees (military personnel) for extreme activities is determined by the degree of severity of such characteristics as: «integrity of worldview», «idealism», «pro-social value orientations», «propensity to extreme activities», «dedication», «extreme vitality». It is shown that readiness is determined precisely by the spiritual and moral foundations and the prosocial identity of the personnel. The article highlights the prospects for improving the moral and psychological support of law enforcement personnel, and confirms the importance of developing psychological technologies for working with employees.

Keywords: personal choice, motivation, willingness to work, prosocial value orientations, idealism, integrity of worldview, extreme vitality, dedication

For citation: Petrov V. E. Personal choice as the basis for the readiness of personnel to perform tasks in a special military operation // Police Bulletin Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2026. № 1 (14). P. 9–14.

В настоящее время Россия проходит сложный этап своего развития – проводит специальную военную операцию (далее – СВО). Единение народа и его прочные духовно-нравственные основы проявляются в том, что участие в СВО принимают не только военнослужащие, но и представители всех силовых ведомств, а также гражданские лица, добровольно изъявившие желание встать на защиту Отечества, проявляющие высшие человеческие ценности – патриотизм, нравственность, чувство справедливости и социальной идентичности. Вне всякого сомнения, лиц, которые приостановили прохождение службы в правоохранительных органах в штатных условиях или иную работу в связи с заключением в установленном законом порядке контракта с Минобороны России на участие в добровольческих формированиях, следует считать по духу «добровольцами».

В вопросе гражданской позиции по отношению к СВО центральным вопросом является личностный выбор, мотивация и готовность субъекта к деятельности в условиях, объективно опасных для жизни и здоровья. Личность соотносит прошлый опыт, реалии бытия, экстремальность будущего, ценности и смыслы, делая сложный экзистенциальный выбор.

Несмотря на достаточно большое количество публикаций по проблемам мотивации и готовности сотрудников (военнослужащих) к деятельности в особых условиях [1], вопросы личностного выбора просоциального экстремального добровольчества остаются без должного внимания.

В центр внимания профессиональной психологической подготовки и готовности представителей силовых ведомств преимущественно ставятся: адаптационный потенциал (В. И. Билык, Е. Н. Митракова [2]), стрессоустойчивость, резилентность (А. А. Благинин, О. С. Исаева [3]), копинг-ресурсы (И. Б. Лебедев [4]), а также иные регулятивные характеристики личности [5]. Не умоляя значимости иных слагаемых готовности к деятельности в экстремальных условиях (когнитивный, эмоционально-

волевой и регулятивный компоненты), отметим, что именно мотивационный компонент готовности является системно-образующим, поскольку задает направленность и смысл личностного выбора, определяет осмысленность всей субъектной активности, обеспечивает целостность личности. По нашему мнению, именно личностный выбор участия в СВО выступает ведущим фактором готовности к выполнению задач по предназначению.

Учитывая актуальность вопроса о психологической поддержке проведения СВО, в 2024-2026 гг. нами проведено эмпирическое исследование особенностей личности экстремальных добровольцев – представителей силовых ведомств, целью которого было установить характеристики личностного выбора, оказывающие влияние на субъектную готовность к деятельности в особых условиях. Применено: анкетирование и опросник изучения личностного выбора соучастия в экстремальном добровольчестве В. Е. Петрова [6]. Выборка представлена 92 респондентами-мужчинами (27 военнослужащих, 21 экстремальный доброволец, 19 сотрудников полиции, 25 гражданских лиц, исключающих возможность участия в СВО), средний возраст которых составил $33,9 \pm 6,7$ лет. Все респонденты были разделены на две группы: группа 1 – лица с высокой готовностью к участию в СВО (60 чел., в т. ч. 25 военнослужащих, 21 экстремальный доброволец, 14 сотрудников полиции), группа 2 – лица с низкой степенью выраженности готовности (32 чел., в т. ч. 2 военнослужащих, 5 сотрудников полиции, 25 гражданских лиц, исключающих возможность участия в СВО). Математико-статистическая обработка данных осуществлена в программе SPSS 13.0 for Windows.

В соответствии с авторской концепцией личностного выбора добровольчества, для установления ведущих характеристик, оказывающие влияние на субъектную готовность к деятельности в особых условиях, оценены различия показателей в контрастных группах по U-критерию Манна-Уитни.

Статистически значимые различия выявлены по таким показателям, как:

1. Целостность мировоззрения ($U = 231,0$; $p \leq 0,01$) – лица, готовые к выполнению задач в экстремальных условиях, отличаются сбалансированностью и гармоничностью системы взглядов, установок, смыслов и ориентаций. Добровольчество как ценностно-смысловой вектор экзистенции тесно интегрировано в мировоззренческую модель личности, а готовность к выполнению соответствующих задач рассматривается как безусловный к исполнению долг.

2. Идейность ($U = 544,5$; $p \leq 0,01$) – лица, готовые к выполнению задач в экстремальных условиях, проявляют идентичность с судьбой государства и уважение к исторической памяти народа, разделяют проблему защиты Отечества. Готовность к деятельности является подтверждением серьезности намерений субъекта, а не декларативной позицией.

3. Просоциальные ценностные ориентации ($U = 703,0$; $p \leq 0,05$) – лица, готовые к выполнению задач в экстремальных условиях, демонстрируют преимущественный выбор таких ценностей, как: дружба, семья, добро, нравственность, духовность, социальная ответственность. Приоритет указанных выше и подобных ценностей составляет основу психологической готовности личности к участию в СВО, формирует уверенность в правильности выбора соучаствующей позиции.

4. Экстремальная жизнеспособность ($U = 739,5$; $p \leq 0,05$) – лица, готовые к деятельности, способны не только к выживанию в экстремальных условиях или совладанию с трудными жизненными обстоятельствами, но и к выходу на постэкстремальный рост личности.

Для уточнения прогностических возможностей изложенного выше подхода был проведен регрессионный анализ данных, в котором зависимой переменной выступила

выраженность готовности субъекта к деятельности в экстремальных условиях (анкетирование), а независимыми – слагаемые личностного выбора соучастия в добровольчестве (тестирование). Значения всех показателей были приведены к шкале станайн.

Линейная регрессионная модель оценки готовности к выполнению задач в условиях СВО (ГТ), детерминация которой составила 63,9 %, представлена в следующем виде:

$$ГТ = 0,226*ЦМ + 0,193*ИД + 0,108*ПЦ + 0,088*СД + 0,135*СО + 0,180*ЭЖ,$$

где: ЦМ – целостность мировоззрения; ИД – идейность; ПЦ – просоциальные ценностные ориентации; СД – склонность к экстремальной деятельности; СО – самоотверженность; ЭЖ – экстремальная жизнеспособность.

Статистически значимых аргументов модели несколько больше, чем установленных по результатам сравнения контрастных групп, что объясняется синергетическим эффектом личностного выбора – разнонаправленные характеристики взаимно усиливают действие друг друга. Психологическая готовность к выполнению задач в условиях СВО детерминируется не только целостностью мировоззрения, идейностью, просоциальными ценностными ориентациями и экстремальной жизнеспособностью, но и склонностью к экстремальной деятельности (побудительная активность), а также самоотверженностью (готовность к жертвованию во благо других людей). Личностный выбор добровольного участия в СВО действительно следует рассматривать как основу готовности субъекта к выполнению соответствующих задач.

Анализ слагаемых регрессионного уравнения показывает, что пять из шести аргументов модели относятся к ценностно-смысловой сфере личности, за исключением экстремальной жизнеспособности. Подобный тезис подчеркивает значимость этой центральной структуры личности и функциональной подсистемы, определяющей ценности, смыслы, цели жизнедеятельности и направленность субъекта, а также способы их достижения. Готовность к выполнению задач в условиях СВО в решающей степени зависит от духовно-нравственных основ и просоциальной идентичности личности [7]. Особо следует отметить, что сниженные показатели экстремально-психологической готовности не свидетельствуют о низкой продуктивности профессиональной деятельности сотрудников (военнослужащих) в штатных условиях. Субъект надежен при реализации широкого круга задач по предназначению, но ожидать от него «выхода из зоны комфорта», «трудовых подвигов» или «самопожертвования» не приходится.

Полученные нами результаты обращают внимание на необходимость совершенствования мотивационной компоненты готовности личного состава силовых ведомств к деятельности в особых условиях. Психологическая работа с личным составом в данном направлении гораздо сложнее штатных мероприятий в системе профессиональной подготовки, поскольку ценностно-смысловые и духовно-нравственные характеристики личности «не подчиняются приказам». Требуется не только активная воспитательная работа, но и высоконравственная внеслужебная организация деятельности и поведения всего личного состава. В первую очередь, это касается устранения морально-этических противоречий в профессиональной деятельности, «двойных стандартов», фаворитизма и т. п. Просоциальная позиция должна транслироваться как на уровне государства, так и отдельного ведомства или его структурного подразделения. Профессиональная идентичность и социальная справедливость должны быть не лозунгами, а пронизывать правоотношения на всех уровнях управления. Забота о личном составе и поддержка государства придают сотрудникам (военнослужащим) уверенность в правильности экзистенциального выбора служения Отечеству. Именно позиция единения власти и граждан, руководителей и подчиненных образует вовлеченность каждого субъекта в решение актуальных для государства проблем, готовность реализовать свое жизненное просоциальное предназначение.

Огромный потенциал укрепления личностного выбора просоциальной позиции и готовности к защите Родины заложен во взаимодействии сотрудников (военнослужащих) с участниками СВО и представителями добровольческого корпуса [8], обмене опытом, а также в содействии в подготовке волонтеров (добровольцев) и ресоциализации комбатантов.

Таким образом, настоящее исследование намечает перспективы совершенствования морально-психологического сопровождения личного состава силовых ведомств, подтверждает значимость развития психотехнологий работы с сотрудниками.

Список источников

1. Цветков В. Л., Святенко О. О. Теоретические подходы к изучению психологической готовности сотрудников органов внутренних дел к выполнению оперативно-служебных задач в особых условиях // Психология и педагогика служебной деятельности. 2026. № 1. С. 99–103; Драндрое Г. Л., Кисапов Н. Н. Организационно-методические условия формирования психической готовности военнослужащих к деятельности в экстремальных условиях // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2025. № 2 (127). С. 68–75. DOI: 10.37972/chgrpu.2025.127.2.009; Благинин А. А., Исаева О. С. Психологические особенности курсантов военно-учебного заведения, принимавших участие в боевых действиях // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2025. № 2. С. 337–349 DOI: 10.35231/18186653_2025_2_337; Волков С. С. Психологическая готовность к риску как фактор эффективности деятельности специалистов экстремального профиля // Психолог. 2025. № 5. С. 46–57. DOI: 10.25136/2409-8701.2025.5.76377.
2. Билык В. И., Митракова Е. Н. Психологическая подготовка сотрудников органов внутренних дел к действиям в экстремальных условиях: проблемы и способы решения // Психология и педагогика служебной деятельности. 2023. № 3. С. 23–29. DOI: 10.24412/2658-638X-2023-3-23-29.
3. Благинин А. А., Исаева О. С. Психологические особенности курсантов военно-учебного заведения, принимавших участие в боевых действиях // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2025. № 2. С. 337–349. DOI: 10.35231/18186653_2025_2_337.
4. Лебедев И. Б. Копинг-поведение сотрудников ОВД, особенности его проявления в условиях СВО // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 1. С. 271–275. DOI: 10.24412/2073-0454-2024-1-271-275.
5. Драндрое Г. Л., Кисапов Н. Н. Организационно-методические условия формирования психической готовности военнослужащих к деятельности в экстремальных условиях // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2025. № 2 (127). С. 68–75. DOI: 10.37972/chgrpu.2025.127.2.009.
6. Петров В. Е. Факторная модель личностного выбора соучастия в экстремальном добровольчестве и его диагностика // Прикладная психология и педагогика. 2024. Т. 9, № 4. С. 75–94. DOI: 10.12737/2500-0543-2024-9-4-75-94.
7. Мотивация специалиста силовых структур как основная компонента профессионально-личностной надежности в сложных ситуациях / В. Л. Кубышко, В. М. Крук, И. В. Гайдамашко [и др.] // Психология и право. 2022. Т. 12, № 4. С. 66–82. DOI: 10.17759/psylaw.2022120406.
8. Гуз О. М. Опыт и результативность практико-ориентированной подготовки народных дружинников на базе организаций системы МВД России // Вестник Санкт-

Петербургского университета МВД России. 2021. № 2 (90). 2021. С. 158–165; Константинов А. В., Михайленко Н. В., Ковшевацкий В. И. Некоторые вопросы совершенствования регионального взаимодействия органов внутренних дел с добровольческими (волонтерскими) организациями // Вестник экономической безопасности. 2023. № 3. С. 67–70. DOI: 10.24412/2414-3995-2023-3-67-70.

Информация об авторе

Петров Владислав Евгеньевич, доцент кафедры «Научные основы экстремальной психологии» факультета «Экстремальная психология»

About the author

Petrov Vladislav E., associate professor of the department of Scientific foundations of extreme psychology, faculty of Extreme psychology

Статья поступила в редакцию 20.04.2026

ЗАРЕЦКАЯ СВЕТЛАНА АЛЕКСАНДРОВНА

Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России
(Московская область, Россия)
zareckaiysveta@mail.ru

ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВ И ОТРАБОТКИ ПРАКТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ В ОБЛАСТИ ГРАЖДАНСКОЙ ОБОРОНЫ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье раскрывается и обосновывается значимость обучения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации основным положениям в области гражданской обороны, позволяющим при необходимости применять практические навыки в особых условиях. Учитывая, что основные мероприятия по гражданской обороне носят заблаговременный и плановый характер, обучение сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации теоретическим основам и практическая отработка приобретенных навыков в области гражданской обороны носят актуальный характер. Результаты проведенного анализа предлагается использовать в практической деятельности территориальных органов внутренних дел МВД России, в том числе в ходе занятий по профессиональной служебной подготовке.

Ключевые слова: гражданская оборона, чрезвычайная ситуация, чрезвычайные обстоятельства, сигналы оповещения гражданской обороны, индивидуальные средства защиты органов дыхания, штабная тренировка по гражданской обороне, защитные сооружения гражданской обороны (бомбоубежища, противорадиационные укрытия, укрытия)

Для цитирования: Зарецкая С. А. Об актуальности изучения теоретических основ и отработки практических навыков в области гражданской обороны в органах внутренних дел Российской Федерации // Полицейский вестник ВИПК МВД России. 2026. № 1 (14). С. 15–22.

ZARETSKAYA SVETLANA A.

Advanced Training Institute of the MIA of Russia
(Moscow region, Russia)

ON THE RELEVANCE OF STUDYING THE THEORETICAL FOUNDATIONS AND PRACTICAL SKILLS DEVELOPMENT IN THE FIELD OF CIVIL DEFENSE IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article reveals and substantiates the relevance of the training of law enforcement officers Of the Russian Federation, the basics of civil defense, allowing if necessary, apply practical skills in special conditions. Given that the main civil defense measures are planned in advance, the training of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation on the theoretical foundations and practical development of acquired skills in the field of civil defense is relevant. The results of the analysis are proposed to be used in the practical

activities of the territorial internal affairs bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia, including in the framework of professional training classes.

Keywords: *civil defense, emergency situation, emergency circumstances, civil defense warning signals, personal respiratory protection equipment, civil defense staff training, civil defense protective structures (bomb shelters, anti-radiation shelters, shelters)*

For citation: *Zaretskaya S. A. On the relevance of studying the theoretical foundations and practical skills development in the field of civil defense in the internal affairs bodies of the Russian Federation // Police Bulletin Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2026. № 1 (14). P. 15–22.*

Служба сотрудников в органах внутренних дел Российской Федерации предполагает проведение мероприятий в таких обстоятельствах, как «действия в особых условиях». При этом термин «особые условия» четко не сформирован, а вопрос объема понятия «действия в особых условиях» остается открытым.

В перечень действий в особых условиях, прежде всего, включается деятельность органов внутренних дел Российской Федерации в чрезвычайных ситуациях мирного и военного времени.

Следует понимать и учитывать, что несение службы нарядами полиции в условиях возникших чрезвычайных обстоятельств имеет свою специфику и сопряжено с трудностями, обусловленными внезапностью наступивших событий. В особых условиях наряды полиции должны действовать спокойно и уверенно [1, с. 763].

Если исходить из положений приказа МВД России от 19.01.2024 № 20 «Об утверждении Положения об организации и ведении гражданской обороны в органах внутренних дел Российской Федерации»¹ (далее – приказ МВД России от 19.01.2024 № 20), можно сделать вывод, что осуществление мероприятий в области гражданской обороны в органах внутренних дел заключается в заблаговременной подготовке к защите сотрудников органов внутренних дел, федеральных государственных гражданских служащих, работников, членов их семей, материальных и культурных ценностей, находящихся в распоряжении органов внутренних дел, от опасностей, возникающих при военных конфликтах или вследствие этих конфликтов, а также при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера.

Таким образом, проведение заблаговременных и плановых мероприятий по направлению гражданской обороны можно, несомненно, отнести к подготовке личного состава органа внутренних дел Российской Федерации к действиям в особых условиях.

Задачи и правовые основы их осуществления, а также полномочия органов государственной власти Российской Федерации и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций в сфере подготовки действий в рамках гражданской обороны определяет Федеральный закон от 12.02.1998 № 28-ФЗ «О гражданской обороне»².

Гражданская оборона охватывает многие стороны жизни каждого государства в самых сложных ситуациях, при вооруженных конфликтах и стихийных бедствиях, когда решается судьба значительной части населения той или иной страны [3, с. 24].

¹ Об утверждении Положения об организации и ведении гражданской обороны в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 19.01.2024 № 20 // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475549/ (дата обращения: 10.04.2026).

² О гражданской обороне: Федеральный закон от 12.02.1998 № 28-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17861/ (дата обращения: 10.04.2026).

Приказом МВД России от 19.01.2024 № 20 определено, что руководство гражданской обороной в системе МВД России осуществляет Министр внутренних дел Российской Федерации.

В 2022 году в системе МВД России создано Главное управление оперативного реагирования¹ (далее – ГУОР МВД России), которое представляет собой самостоятельное структурное подразделение, осуществляющее в пределах своих компетенций функции МВД России по выработке и реализации политики и нормативно-правовому регулированию в области, в том числе, мобилизационной подготовки, мобилизации и гражданской обороны.

Заблаговременное создание в интересах гражданской обороны органов внутренних дел Российской Федерации и поддержание в готовности систем управления, связи и оповещения является одним из основополагающих мероприятий по гражданской обороне, осуществляемым в территориальных органах МВД России.

Оповещение является одним из приоритетных направлений в области подготовки подразделений органов внутренних дел Российской Федерации в области гражданской обороны и организовано зачастую через автоматизированные системы централизованного оповещения, а также дежурными частями (дежурными) через системы оповещения (громкоговорящей связи) органов внутренних дел.

Актуальное состояние схем оповещения сотрудников органов внутренних дел имеет важное значение и влияет на расчет времени начала и окончания оперативного сбора в случае возникшей необходимости.

В местах дислокации многих территориальных органов внутренних дел оборудованы убежища, противорадиационные укрытия и иные объекты, предназначенные для обеспечения проведения мероприятий по гражданской обороне.

Отработка практических навыков укрытия в защитных сооружениях гражданской обороны сотрудников органов внутренних дел во временной промежуток 10–15 минут после оповещения, показало, что безотлагательное, своевременное оповещение может снизить потери людей при внезапном применении противником оружия массового поражения с 85 % до 4–7 %, то есть дает максимальную возможность сохранить жизнь и здоровье личному составу органа внутренних дел Российской Федерации.

Кроме того, в целях решения задач по обнаружению и обозначению объектов (территорий, участков) органов внутренних дел, подвергшихся радиоактивному, химическому, биологическому или иному заражению, проводятся следующие мероприятия по гражданской обороне:

ведение радиационного, химического, биологического наблюдения и разведки, дозиметрического контроля, выявление и оценка радиационной, химической и биологической обстановки;

введение режимов радиационной защиты на территориях, подвергшихся радиоактивному заражению (загрязнению)².

В органах внутренних дел создаются нештатные формирования по выполнению мероприятий гражданской обороны: комплексные команды, группы (звенья) по обслуживанию защитных сооружений гражданской обороны, разведывательные группы (дозоры), расчетно-аналитические группы и посты радиационного, химического и биологического наблюдения [4, с. 67].

¹ О внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 4 Указа Президента Российской Федерации от 24 декабря 2009 г. № 1468 «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации»: Указ Президента Российской Федерации от 06.06.2022 № 353 // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_418532/ (дата обращения: 10.04.2026).

² Приказ МВД России от 19.01.2024 № 20.

С целью эффективного выполнения разведывательных задач, прежде всего по направлению радиационной и химической разведки, в интересах органов внутренних дел создаются разведывательные группы (дозоры).

Сбор, обработка и выдача информации о применении противником оружия массового поражения, а также возникновении аварий (разрушений) на радиационно, химически и биологически опасных объектах осуществляется заблаговременно созданными распорядительными документами расчетно-аналитическими группами.

Ведение радиационного, химического и биологического наблюдения, а также установление факта применения противником оружия массового поражения, обнаружение радиоактивного и химического заражения осуществляют посты радиационного, химического и биологического наблюдения, которые в случае необходимости подают в установленном порядке сигналы оповещения, осуществляют взятие и направление соответствующих проб на экспертизу.

Оценка радиационной обстановки является обязательным элементом работы руководителя оперативного штаба органа внутренних дел и проводится для принятия необходимых мер по защите, обеспечивающих уменьшение (исключение) радиационного облучения, и для определения наиболее целесообразных действий сотрудников органов внутренних дел на зараженной местности [5, с. 302].

Подготовка сотрудников органов внутренних дел и лиц гражданского персонала по гражданской обороне проводится согласно положениям, в том числе, постановления Правительства РФ от 02.11.2000 № 841 «Об утверждении Положения о подготовке населения в области гражданской обороны»¹.

Успешное решение задач в области гражданской обороны и защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций в значительной степени зависит от уровня подготовки руководящего состава, сил гражданской обороны и единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

За последние годы накоплен большой опыт подготовки и проведения учений (тренировок) по гражданской обороне по различной тематике и на разных уровнях.

В органах внутренних дел Российской Федерации ежегодно в октябре проводятся штабные тренировки по гражданской обороне.

Штабной тренировке по гражданской обороне предшествует, прежде всего, подготовительный этап, в рамках которого готовится распоряжение МВД России на проведение штабной тренировки, регламентирующее порядок ее проведения, а также обязанности заинтересованных подразделений МВД России, которые в ней участвуют.

Также ГУОР МВД России направляет одновременно в подразделения МВД России и территориальные органы МВД России план проведения штабной тренировки по гражданской обороне, включающий в себя подготовительный этап тренировки, а также последующие ее этапы.

В рамках участия в штабной тренировке по гражданской обороне необходимо оперировать такими понятиями, как «оперативный скачок», «оперативное время» и «астрономическое время».

Астрономическое время – это истинное время, определяемое вращением Земли вокруг своей оси и ее положением относительно Солнца или звезд (реальное солнечное время).

¹ Об утверждении Положения о подготовке населения в области гражданской обороны: постановление Правительства РФ от 02.11.2000 № 841 (ред. от 19.01.2026) // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29118/6dcd6a36166d04fb7a78c1eeb600adcf7a5ad2ab/ (дата обращения: 10.04.2026).

Оперативное время – это условное, искусственное время, устанавливаемое руководителем учений или тренировок, которое позволяет «ускорить» или «замедлить» события для отработки задач.

Прием «оперативного скачка» применяется в ходе штабной тренировки в целях проверки правильности и своевременности выполнения мероприятий, предусмотренных планами гражданской обороны.

В ходе штабной тренировки могут подаваться различные сигналы оповещения гражданской обороны, такие как: «Внимание всем!», «Воздушная тревога!», «Радиационная опасность!», «Химическая опасность!», «Угроза катастрофического затопления!».

После выполнения соответствующих элементов тренировки необходимо своевременно подать сигналы гражданской обороны, отменяющие симитированные чрезвычайные ситуации, такие как: «Внимание всем!», «Отбой воздушной тревоги!», «Отбой радиационной опасности!», «Отбой химической опасности!», «Отбой угрозы катастрофического затопления!».

Каждый из сигналов подается трижды.

При этом сотрудники органов внутренних дел Российской Федерации обеспечены средствами индивидуальной защиты дыхания (противогаз), а также средствами индивидуальной защиты кожи.

В рамках штабных тренировок могут быть предусмотрены элементы отработки сотрудниками органов внутренних дел навыков надевания указанных индивидуальных средств защиты дыхания и кожи.

В зависимости от общего замысла штабной тренировки по гражданской обороне, может быть введен элемент «угрозы применения противником оружия массового поражения». Тогда руководством территориального органа внутренних дел МВД России принимается решение об укрытии сотрудников в защитном сооружении гражданской обороны.

В рамках отработки мероприятий, предусмотренных планами гражданской обороны, могут поступать ситуационные вводные задачи с различной степенью сложности, которые наращивают оперативную обстановку.

В определенных потенциальных чрезвычайных ситуациях может потребоваться принятие более кардинального и экстренного решения – эвакуация сотрудников органов внутренних дел и членов их семей. Тогда начинается свою работу эвакуационная комиссия, созданная заблаговременно распорядительным документом.

Сотрудники органов внутренних дел обязаны выполнять распоряжения руководителей и начальников подразделений, территориальных ОВД, в том числе руководителя гражданской обороны, и действовать в соответствии с разработанными планами гражданской обороны.

Вопросы обеспечения реализации ограничительных мер, применяемых в рамках специального правового режима, вызванного возникновением чрезвычайных обстоятельств, являются для органов внутренних дел, безусловно, приоритетной задачей [1, с. 763].

В современных условиях, когда опасности, связанные с применением противником современных средств поражения, а также опасности, присущие военным конфликтам, сохраняются, повышение эффективности работы по подготовке сотрудников в области гражданской обороны является приоритетным.

Также для многих регионов Российской Федерации характерны отдельные чрезвычайные ситуации, связанные с подтоплением, оползневыми явлениями, пожарами и заболеваниями, в том числе передаваемыми грызунами, клещами и другими животными.

Кроме того, многие субъекты Российской Федерации являются регионами с развитой промышленностью, многоотраслевым сельскохозяйственным производством.

Потенциальную опасность могут представлять высокая концентрация оборонных предприятий, запасы нефти и газа.

На территории отдельных регионов расположены организации, эксплуатирующие потенциально опасные объекты, среди которых пожаровзрывоопасные, химически опасные, радиационно-опасные объекты.

Несмотря на все принимаемые меры по обеспечению безопасности, полностью исключить вероятность возникновения техногенных аварий невозможно [6, с. 104].

В связи с этим нормативно-правовое регулирование деятельности органов, организаций и подразделений системы МВД России в области гражданской обороны также не стоит на месте, а претерпевает положительную динамику, основанную на практическом опыте.

Учитывая, что опасности применения противником оружия массового поражения сохраняются, необходимо пересмотреть обеспечение органов внутренних дел материально-техническими средствами, в том числе измерительными приборами радиационного и химического наблюдения.

Кроме того, предполагается, что, с учетом технического развития, можно использовать беспилотные аппараты (воздушные, наземные, наводные, подводные) в целях проведения химического и радиационного наблюдения, а также для выполнения задач разведки, прежде всего радиационной и химической.

Проблемным вопросом остается поддержание на должном уровне имеющихся защитных сооружений гражданской обороны органов внутренних дел, их своевременный капитальный и текущий ремонт.

Несомненно, количество и объем задач, выполняемых органами внутренних дел Российской Федерации в случае возникновения чрезвычайной ситуации или чрезвычайных обстоятельств, многократно возрастает. На решение особо важных и требующих концентрации значительных сил и средств задач может отводиться слишком мало времени в связи с тем, что в особых условиях необходимость применения навыков сотрудниками возникает неожиданно. Успешное выполнение органами внутренних дел Российской Федерации полномочий и обязанностей при чрезвычайных ситуациях достигается глубоким и всесторонним анализом обстановки, которая может сложиться в результате стихийных бедствий, принятием обоснованных решений, детальным и четким планированием необходимых мероприятий и высокой профессиональной подготовкой сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации [1, с. 40].

При этом занятия по служебной, боевой и физической подготовке, участие в штабных тренировках по гражданской обороне являются неотъемлемой частью профессиональной деятельности и входят в комплекс мероприятий, проводимых в мирное время с целью подготовки к несению службы в военное время и при возникновении чрезвычайных ситуаций.

Список источников

1. Административная деятельность полиции: учебник / под ред. В. И. Майорова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ГУРЛС МВД России, 2025. 781 с.
2. Мазурин Е. П., Айзман Р. И. Гражданская оборона и защита от чрезвычайных ситуаций (с практикумом): учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: КноРус, 2023. 414 с.
3. Ильиченко С. В., Чижик А. П., Саяпина Т. С. Правовые основы создания, развития и управления гражданской обороной в России: монография. М.: РУСАЙНС, 2025. 168 с.
4. Деятельность органов внутренних дел в чрезвычайных ситуациях мирного и военного времени: учеб. пособие / М. А. Огородников, К. С. Князев, А. Л. Сычев, М. Е. Антонов. Омск: Омская академия МВД России, 2022. 87 с.
5. Мельничук В. А. Деятельность органов внутренних дел в условиях специальных правовых режимов: учебник. М.: ИНФРА-М, 2025. 489 с.
6. Обеспечение безопасности при чрезвычайных ситуациях: учебник / В. А. Бондаренко, С. И. Евтушенко, В. А. Лепихова [и др.]. 2-е изд. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2025. 223 с.

Литература

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 10.04.2025).
2. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера : Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ (послед. ред.) // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5295/ (дата обращения: 10.04.2026).
3. О чрезвычайном положении : Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ (ред. от 02.11.2023) // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31866/ (дата обращения: 10.04.2026).
4. Вопросы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий : Указ Президента Российской Федерации от 11.07.2004 № 868 (ред. от 12.03.2026) // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48356/ (дата обращения: 10.04.2026).
5. Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 01.03.2011 № 248 (ред. от 12.03.2026) // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_111139/ (дата обращения: 10.04.2026).
6. Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области гражданской обороны на период до 2030 года : Указ Президента Российской Федерации от 20.12.2016 № 696 // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209270/ (дата обращения: 10.04.2026).

Информация об авторе

Зарецкая Светлана Александровна, преподаватель кафедры противодействия терроризму и экстремизму Межведомственного учебного центра подготовки и переподготовки специалистов по борьбе с терроризмом и экстремизмом

About the author

Zaretskaya Svetlana A., lecturer at the department of countering terrorism and extremism at the Interdepartmental training center for training and retraining specialists in countering terrorism and extremism

Статья поступила в редакцию 18.05.2026

ПОПОВА АНАСТАСИЯ АЛЕКСАНДРОВНА¹

*кандидат юридических наук, доцент
nastyavsckb@mail.ru*

КОВРОВА ВЕРА ГЕННАДЬЕВНА²

5vozdux5@gmail.com

СОКОЛОВСКАЯ НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА³

natalya1988.25@mail.ru

^{1, 2, 3} Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России
(Московская обл., Россия)

ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАБОТЫ С ДОКУМЕНТАМИ, СОДЕРЖАЩИМИ СВЕДЕНИЯ, СОСТАВЛЯЮЩИЕ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ТАЙНУ

Аннотация. Государственная тайна представляет собой особую категорию сведений, подлежащих правовой охране в интересах обеспечения безопасности государства, его обороноспособности и защиты жизненно важных интересов населения.

В статье рассматриваются вопросы организационно-тактической основы работы с документами, содержащими сведения, которые составляют государственную тайну.

Определение государственной тайны и ее значение для органов внутренних дел закладывают основы безопасности и защиты информации, не подлежащей разглашению.

Ключевые слова: государственная тайна, государство, сведения

Для цитирования: Попова А. А., Коврова В. Г., Соколовская Н. С. Организационно-тактические основы работы с документами, содержащими сведения, составляющие государственную тайну // *Полицейский вестник ВИПК МВД России*. 2026. № 1 (14). С. 23–28.

POPOVA ANASTASIA A.¹

candidate of law, associate professor

KOVROVA VERA G.²

SOKOLOVSKAYA NATALIA S.³

^{1, 2, 3} Advanced Training Institute of the MIA of Russia
(Moscow region, Russia)

ORGANIZATIONAL AND TACTICAL BASES
OF WORKING WITH DOCUMENTS CONTAINING INFORMATION
THAT IS A STATE SECRET

Abstract. *State secret is a special category of information that is subject to legal protection in the interests of ensuring the state's security, its defense capabilities, and the protection of the vital interests of the population. The article discusses the issues of the organizational and tactical basis of working with documents containing information that is a state secret. The definition of state secrets and their significance for internal affairs bodies lay the foundations for the security and protection of information that is not subject to disclosure.*

Keywords: *state secret, state, information*

For citation: *Popova A. A., Kovrova V. G., Sokolovskaya N. S. Organizational and tactical bases working with documents containing information that is a state secret // Police Bulletin Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2026. № 1 (14). P. 23–28.*

Государственная тайна – это сведения, охрана которых обусловлена интересами обеспечения безопасности государства, его обороны и безопасности населения. Сведения, составляющие государственную тайну, могут включать конфиденциальную информацию о планах, программах, методах работы, объектах и личном составе ведомств власти и специальных служб [1, с. 189].

Для органов внутренних дел значение государственной тайны носит критическое значение, поскольку их работа напрямую связана с обеспечением общественной безопасности и правопорядка. Знание сведений, содержащих государственную тайну, может помочь злоумышленникам совершить преступления, подорвать деятельность правоохранительных органов и нарушить общественный порядок. Поэтому для органов внутренних дел особенно важно строго соблюдать правила по работе с документами, содержащими государственную тайну [2, с. 462].

Законодательство строго регламентирует порядок обращения с такими документами, предусматривая меры ответственности за их утерю, утрату или ненадлежащее хранение.

Сотрудники органов внутренних дел, имеющие доступ к информации, составляющей государственную тайну, проходят специальную проверку и подписывают обязательство о неразглашении сведений, составляющих государственную тайну.

Первоначальным этапом организации работы с документами, охраняемыми законом, является отнесение сведений к государственной тайне.

Распоряжениями Президента Российской Федерации Перечень должностных лиц органов государственной власти, наделяемых полномочиями по отнесению сведений к государственной тайне, периодически изменяется и утверждается [3, с. 158].

Рассматривая данный аспект, можно отметить, что усложнение процедуры отнесения сведений к государственной тайне значительно расширяет круг участников, что дает большую вероятность исключить разглашение информации, которая относится к государственной тайне.

Васильева А. Д. отмечала, что «чрезмерная детализация современного правового регулирования защиты государственной тайны заметно усложняет не только сам этот процесс, но и своевременное пресечение шпионажа в нашей стране».

Исходя из вышесказанных слов, упрощение процедуры засекречивания различных перечней сведений является рациональным в целях избежания трудностей, возникающих в результате неэффективного функционирования данного перечня, посягающего на нарушение идеи правовой защиты государственной тайны в демократическом государстве.

Одним из важных аспектов работы с документами, содержащими государственную тайну, является круг лиц, которые имеют к ним доступ.

Согласно приказу МВД России от 16.09.2019 № 625 «Об организации работы по оформлению допуска к государственной тайне должностным лицам и гражданам РФ в системе МВД России»¹, «Перечень должностей, при назначении на которые сотрудникам (кандидатам) оформляется доступ к государственной тайне, определяется номенклатурой должностей работников, подлежащих оформлению на доступ к государственной тайне.

Должности курсантов, слушателей, адъюнктов образовательных организаций системы МВД России, находящихся на очной форме обучения, включаются в номенклатуру должностей соответствующей образовательной организации системы МВД России» [3, с. 158].

Стоит учесть, что количество сотрудников, допускаемых к сведениям, составляющим государственную тайну в органах внутренних дел, в целях минимизации риска разглашения информации, должно быть максимально ограничено, поскольку широкий круг должностных лиц и органов может стать результатом избыточного расширения объема сведений, имеющих гриф секретности.

Таким образом, стоит пересмотреть категорию лиц, которые имеют доступ к сведениям, охраняемым законом, и исключить из перечня определенный круг сотрудников ввиду ненужности предоставления им данных сведений [4, с. 123].

За несоблюдение требований, предъявляемых к работе с документами, составляющими государственную тайну, предусмотрена ответственность.

Если обратиться к судебной практике, при проведении оперативно-розыскных мероприятий были выявлены случаи разглашения сведений, составляющих государственную тайну.

Одним из примеров выступает случай, произошедший в Сургуте, когда была установлена причастность бывшего сотрудника УМВД России по ХМАО – Югре Владимира Писковацкова, который в разговоре с товарищами решил блеснуть своей осведомленностью и раскрыл информацию, которую не имел права разглашать, вследствие чего был приговорен к году лишения свободы и на два года отстранен от службы в органах внутренних дел [5, с. 15].

В настоящее время информация стала важным ресурсом. Исходя из этого, для нормального функционирования государства необходимо уделять особое внимание управлению и развитию защиты информации в рамках государственной тайны. Стоит заметить, что система работы с государственной тайной основывается на нормативной базе.

Безопасность государства и общества напрямую зависит от того, насколько эффективно органы внутренних дел соблюдают требования по обращению с данными, содержащими государственную тайну [6, с. 45].

Процедуры классификации и разграничения информации в организациях правопорядка являются важной частью работы с документами, содержащими сведения, составляющие государственную тайну. Это необходимо для обеспечения безопасного хранения и передачи такой информации, предотвращения утечек и несанкционированного доступа к ней [7, с. 161].

Классификация информации представляет собой процесс определения степени ее секретности и установления соответствующих мер по ее защите. В соответствии с общепринятой системой классификации информация может быть отнесена

¹ Об организации работы по оформлению допуска к государственной тайне должностным лицам и гражданам РФ в системе МВД России: приказ МВД России от 16.09.2019 № 625 // Информационно-правовое обеспечение «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/73663328/> (дата обращения: 19.02.2026).

к одной из категорий: «особой важности», «совершенно секретно» и «секретно». В органах внутренних дел применяются особые правила и процедуры по классификации и разграничению информации, учитывая специфику работы.

Одним из ключевых моментов при работе с документами, содержащими сведения, составляющие государственную тайну, является установление правил доступа к ним. Разграничение информации подразумевает определение круга лиц, имеющих право знакомиться с такими документами, и ограничение доступа для всех остальных сотрудников. Для этого выделяются специальные процедуры верификации личности сотрудников, допущенных к сведениям [8, с. 63].

Не менее важным аспектом является обеспечение безопасности хранения и передачи документов, содержащих государственную тайну. В связи с этим проводятся регулярные проверки технических средств защиты и обучение сотрудников правилам работы с документами, составляющими сведения о государственной тайне [9, с. 331].

Без соблюдения определенных правил при работе со сведениями, составляющими государственную тайну, существует риск утечки данных, что окажет негативное влияние на оперативную работу. Поэтому важно строго соблюдать все установленные правила при работе с документами, содержащими сведения, составляющие государственную тайну [10, с. 203].

Одним из основных требований к хранению документов со сведениями государственной тайны является обеспечение их физической и информационной безопасности. Документы должны храниться в специально оборудованных помещениях, соответствующих требованиям по охране секретности. Контроль доступа к таким помещениям должен быть жестким, с использованием системы пропусков, видеонаблюдения и других средств. Важно также обеспечить защиту информации от несанкционированного доступа через сеть, используя механизмы шифрования данных и мониторинга сетевой активности [11, с. 231].

Для передачи документов, составляющих сведения о государственной тайне, существуют определенные правила и процедуры. Передача таких документов должна осуществляться только по необходимости и с соблюдением строгих правил оформления и учета.

Соблюдение установленных норм и правил является основой эффективной работы с государственной тайной и предотвращения угроз безопасности национальных интересов [12, с. 251].

При работе с документами, содержащими сведения, составляющие государственную тайну, в органах внутренних дел особое внимание уделяется контролю и ответственности. Контроль за обращением и хранением конфиденциальной информации осуществляется на различных уровнях – начиная от руководства органа и заканчивая сотрудниками, имеющими доступ к таким документам.

Один из основных аспектов контроля – это утверждение жестких правил по обращению с документами, содержащими государственную тайну. Каждый сотрудник должен быть ознакомлен с правилами сбережения сведений, составляющих государственную тайну, обязанностями при обработке данной информации, требованиями к хранению и передаче. Обычно в этих целях проводятся специальные инструктажи и обучающие программы, где подробно описываются правила работы с документами, составляющими государственную тайну.

Помимо этого в органах внутренних дел устанавливаются и технические меры контроля, например системы доступа к информации, шифрование данных, видеонаблюдение. Благодаря таким мерам можно отслеживать, кто, когда и с какой целью обращался к сведениям, составляющим государственную тайну.

Ответственность за нарушение правил обращения с документами, содержащими сведения о государственной тайне, также строго регламентирована. После завершения работы с ними каждый сотрудник должен убедиться в их правильном хранении и закрытии доступа. Нарушение правил обращения с государственной тайной может повлечь за собой серьезные последствия: дисциплинарное взыскание, прекращение допуска к сведениям, составляющим государственную тайну, увольнение и даже уголовную ответственность.

Контроль и ответственность при работе со сведениями, составляющими государственную тайну, в органах внутренних дел играют важную роль в обеспечении безопасности и сохранении государственной тайны. Соблюдение установленных процедур и правил обращения с подобной информацией является неотъемлемой частью профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел и гарантированно обеспечивает защиту государственных интересов.

Правильное обращение с документами, содержащими сведения, составляющие государственную тайну, играет ключевую роль в сфере органов внутренних дел. Одним из важнейших аспектов в этой области является обучение и повышение квалификации сотрудников по вопросам обращения с такими документами, что не только обеспечивает эффективность работы, но и способствует обеспечению безопасности государства.

Основной целью обучения сотрудников обращению с документами, содержащими сведения, составляющие государственную тайну, является формирование понимания важности неразглашения такой информации, соблюдения правил обращения с документами, содержащими сведения, составляющие государственную тайну, и строгого выполнения установленных правил (норм).

Программы обучения включают в себя изучение законодательства, регулирующего порядок обращения с государственной тайной, а также ознакомление с конкретными требованиями и правилами по обработке, хранению и передаче таких сведений. Сотрудникам, в рамках проведения служебных занятий, доводят информацию о возможных угрозах безопасности, которые могут возникать в случае несанкционированного разглашения сведений, составляющих государственную тайну, их обучают методам и приёмам защиты данной информации.

Подводя итоги, следует отметить, что обучение и повышение квалификации сотрудников по вопросам обращения с документами, содержащими государственную тайну, является ключевым элементом эффективной и безопасной работы органов внутренних дел. Только благодаря грамотно организованному обучению можно обеспечить надежную защиту государственных интересов и сохранность конфиденциальной информации.

Ключевым элементом обеспечения информационной безопасности выступает профессионально подготовленный кадровый состав, имеющий доступ к сведениям, составляющим государственную тайну. Необходимым условием является постоянное совершенствование нормативно-правовой базы и внедрение современных технологий защиты информации, что позволит минимизировать риски утечки конфиденциальных данных.

Список источников

1. Сальников В. П. Оперативно-розыскные мероприятия на каналах связи (правовой анализ). СПб.: Фонд «Университет», 2022.
2. Калужина М. А. Правовое регулирование информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе // Проблемы эффективности права в современной России. 2022. № 1.

3. Оперативно-розыскная деятельность и уголовный процесс: учеб.-практ. пособие / под общ. ред. В. В. Черникова, В. Я. Кикотя. М.: ИНФРА-М, 2023.
4. Государственная измена как угроза национальной безопасности России: духовно- нравственный, криминально-психологический и уголовно-правовой аспекты / К. М. Лобзов, А. В. Богданов, И. И. Ильинский [и др.]. Новосибирск: Новосибирский военный институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии РФ, 2022.
5. Демчук С. Д. О совершенствовании норм закона об уголовной ответственности за государственную измену и шпионаж // Военное право. 2023. № 5 (57).
6. Давыдов Я. В. Оперативно-розыскная деятельность: конспект лекций. М.: Приор, 2023.
7. Саркисян Г. Г. Правовая основа информационно-аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: современное состояние и проблемы // Юрист – Правоведъ. 2020. № 3.
8. Специфика осуществления оперативно-розыскного мероприятия «наблюдение» / Л. Р. Амичба, А. Е. Казаков, И. В. Кошечев [и др.]. // Новый юридический вестник. 2022. № 1 (34).
9. Цверкунов Д. С. Актуальные проблемы полномочий прокурора по надзору за органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность // Молодой ученый. 2023. № 50 (497).
10. Чвалёв А. А. Взаимодействие следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, при расследовании преступлений // Молодой ученый. 2022. № 45 (440).
11. Лапин Е. С. Оперативно-розыскная деятельность: учебник и практикум для среднего профессионального образования. 8-е изд., перераб. и доп. М.: изд-во «Юрайт», 2024.
12. Сорокин М. А. Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности при доказывании по уголовным делам // Молодой ученый. 2022. № 17 (412).

Информация об авторах

Попова Анастасия Александровна, врио ученого секретаря;

Коврова Вера Геннадьевна, заместитель начальника кафедры кадрового обеспечения и управления персоналом в органах внутренних дел Учебного центра кадрового, психолого-педагогического и медицинского обеспечения деятельности органов внутренних дел;

Соколовская Наталья Сергеевна, старший преподаватель кафедры кадрового обеспечения и управления персоналом в органах внутренних дел Учебного центра кадрового, психолого-педагогического и медицинского обеспечения деятельности органов внутренних дел

About the authors

Popova Anastasia A., acting academic secretary;

Kovrova Vera G., deputy head of the department of human resources and personnel management in the internal affairs bodies of the Training center for human resources, psychological and pedagogical support, and medical support for the internal affairs bodies;

Sokolovskaya Natalia S., senior lecturer at the department of human resources and personnel management in the internal affairs bodies of the Training center for human resources, psychological and pedagogical support, and medical support for the internal affairs bodies

Статья поступила в редакцию 19.03.2026

ХРАМОВ МИХАИЛ ЕВГЕНЬЕВИЧ¹

Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России
(Московская область, Россия)
kptie@yandex.ru

КАШКИН ОЛЕГ ИГОРЕВИЧ

Группа компаний «Нацпроектстрой»
(Москва, Россия)
0000400@bk.ru

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ПРАКТИЧЕСКИХ ОРГАНОВ НА НОВЫХ ТЕРРИТОРИЯХ
И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
В СИСТЕМЕ МВД РОССИИ**

Аннотация. В статье рассматриваются основные проблемы обеспечения безопасности новых территорий Российской Федерации, направленной на искоренение деятельности экстремистских организаций. Ключевым моментом является повышение уровня профессионализма сотрудников правоохранительных органов, в том числе изучение нормативных правовых актов Российской Федерации в сфере противодействия экстремизму и терроризму. Обозначены направления подготовки сотрудников полиции, реализуемые как ведомственными учебными организациями новых субъектов Российской Федерации, так и Всероссийским институтом повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. В качестве вывода авторы для разрешения вопросов, возникающих при обучении (повышении квалификации) данных сотрудников, предлагают разработать программы, ориентированные на достижение целей специальной военной операции, в том числе на обеспечение контртеррористической безопасности.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, безопасность, повышение квалификации, сотрудники полиции

Для цитирования: Храмов М. Е., Кашкин О. И. Актуальные вопросы взаимодействия практических органов на новых территориях и образовательных организаций в системе МВД России // Полицейский вестник ВИПК МВД России. 2026. № 1 (14). С. 29–33.

KHRAMOV MIKHAIL E.

Advanced Training Institute of the MIA of Russia
(Moscow region, Russia)

KASHKIN OLEG I.

National Project Construction Group
(Moscow, Russia)

**CURRENT ISSUES OF INTERACTION
BETWEEN PRACTICAL BODIES IN NEW TERRITORIES
AND EDUCATIONAL ORGANIZATIONS
IN THE SYSTEM OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA**

Abstract. The article discusses the main problems of ensuring the security of the new territories of the Russian Federation, aimed at eradicating the activities of extremist

organizations. The key point is to increase the level of professionalism of law enforcement officials, including the study of regulatory legal acts of the Russian Federation in the field of countering extremism and terrorism. The directions of police training are outlined, implemented both by departmental educational organizations of the new subjects of the Russian Federation and by the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. As a conclusion, the authors propose to develop programs aimed at achieving the goals of a special military operation, including ensuring counter-terrorism security, in order to resolve issues arising during the training (advanced training) of these employees.

Keywords: extremism, terrorism, security, professional development, police officers

For citation: Khramov M. E., Kashkin O. I. Current issues of interaction between practical bodies in new territories and educational organizations in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia // *Police Bulletin Advanced Training Institute of the MIA of Russia*. 2026. № 1 (14). P. 29–33.

4 октября 2022 г. явилось знаковым днем не только для граждан Российской Федерации, но и для жителей иных территорий, которые, благодаря принятым Федеральным конституционным законам Российской Федерации, обрели статус нового субъекта Российской Федерации, а именно:

1. Донецкая Народная Республика¹ (далее – ДНР).
2. Луганская Народная Республика² (далее – ЛНР).
3. Запорожская область³.
4. Херсонская область⁴.

Именно указанные федеральные конституционные законы послужили основанием для включения указанных территорий в качестве субъектов в ст. 65 Конституции Российской Федерации, расширив тем самым перечень субъектов до 89.

Несмотря на то, что перечисленные субъекты являются новыми для Российской Федерации, имевшими и реализовывавшими те или иные полномочия на основе ранее действующего законодательства, сегодня – это полноценные субъекты Российской Федерации, основу правоприменительной практики государственных и иных органов которых составляют, в первую очередь, Конституция Российской Федерации и иные по иерархии нормативные правовые акты российской правовой системы.

Бесспорно, учитывая специфику новых регионов в условиях проведения специальной военной операции (далее – СВО), а именно повышенная террористическая

¹ О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики: Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 5-ФКЗ (ред. от 25.12.2023) // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_428188/02ec025121b7cb79a8b8becbf124051335ab0d2a/#dst100019 (дата обращения: 05.04.2025).

² О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Луганской Народной Республики: Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 6-ФКЗ (ред. от 25.12.2023) // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_428184/02ec025121b7cb79a8b8becbf124051335ab0d2a/#dst100019 (дата обращения: 05.04.2025).

³ О принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Запорожской области: Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 7-ФКЗ (ред. от 25.12.2023) // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_428185/?ysclid=m9uefet68n448519473 (дата обращения: 05.04.2025).

⁴ О принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Херсонской области: Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 8-ФКЗ (ред. от 25.12.2023) // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_428186/?ysclid=m9uee2gf5i655530596 (дата обращения: 05.04.2025).

и диверсионная угроза, одним из основных государственных органов исполнительной власти, способствующих декриминализации обстановки в обозначенных субъектах, являются органы внутренних дел, чья деятельность прежде всего ориентирована:

- на обеспечение охраны жизни мирного населения, в том числе их эвакуацию;
- усиление охраны общественного порядка;
- безопасность дорожного движения с приоритетом на досмотр транспортных средств;
- пресечение незаконного оборота наркотических средств и оружия;
- пресечение иных тяжких и особо тяжких преступлений;
- пресечение преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе экстремистской направленности.

В целях реализации поставленных государством задач требуются сотрудники, самоотверженно отдающие себя на служение долгу перед Отечеством, выраженное в его охране и обеспечении безопасности. В этой связи Президентом Российской Федерации был установлен особый режим приема на службу в органы внутренних дел в указанных четырех новых субъектах (далее – Указ № 984)¹, имеющий свои особенности и тем самым позволяющий лицам в сложившихся непростых условиях выполнять свой законный долг.

Так, Указом № 984 упрощен прием в ряды МВД России новых сотрудников, к примеру отсутствует предельный возраст поступления на службу, мероприятия по профессиональному психологическому отбору не проводятся (исключением является назначение на руководящие должности), допускается прием на службу лиц с отсутствием документов, необходимых для приема на службу, предусмотренных ФЗ № 342 «О службе в органах внутренних дел»².

Известно, что до 2022 года Запорожская и Херсонская области являлись территориальными единицами Украины, следовательно, сотрудники государственных органов действовали в рамках законодательства указанного государства. Сегодня первоочередной задачей взаимодействия практических органов с образовательными организациями, входящими в систему МВД России, является процесс переориентации сотрудников органов внутренних дел на российское законодательство, одним из начальных этапов которого было принятие Присяги сотрудника органов внутренних дел³, а последующими – повышение уровня умений и навыков личного состава, их переквалификация и повышение квалификации.

В целях подготовки сотрудников на указанных территориях функционируют учебные организации системы МВД России.

Так, на территории ДНР ранее действующая Академия МВД ДНР им. Ф. Э. Дзержинского в 2022 году стала Донецким филиалом ФГКОУВО «Волгоградской академии

¹ Об особенностях поступления на службу в органы внутренних дел Российской Федерации на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области: Указ Президента Российской Федерации от 30.12.2022 № 984 // Информационно-правовой портал «Гарант.Ру». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405964903/?ysclid=m9ued3angt131193841> (дата обращения: 05.04.2025).

² О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 26.02.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2024) // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/7a342a4d412a6bbb4704a176165a9544fc9e59b/?ysclid=m0phx9eurw315044795 (дата обращения: 05.04.2025).

³ Там же.

Министерства внутренних дел Российской Федерации»¹, ориентированным на первоначальное обучение вчерашних школьников по следующим образовательным программам:

1. «Правовое обеспечение национальной безопасности» – уголовно-правовая специализация.
2. «Правоохранительная деятельность» – оперативно-разыскная и административная деятельность.
3. «Юриспруденция» – гражданско-правовая специализация (бакалавриат) и гражданско-правовая, уголовно-правовая и административно-правовая специализация (магистратура).
4. «Обеспечение законности и правопорядка» – административная и оперативно-разыскная деятельность.

В настоящее время на вновь присоединенных территориях отсутствуют образовательные организации, специализирующиеся на дополнительном профессиональном образовании, способствующие повышению профессионального уровня сотрудников, принятых в ряды МВД России, ранее проходивших службу в рядах правоохранительных органов Украины, а равно вновь принятых на службу.

В складывающихся условиях указанным сотрудникам необходимо иметь определенные умения и навыки, что отражено в образовательных программах, реализуемых на базе Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, в том числе кафедрой противодействия терроризму и экстремизму.

Однако ввиду сложной оперативной обстановки, требующей присутствия личного состава на территориях оперативного обслуживания, целесообразно проведение повышения квалификации по образовательным программам сотрудниками ВИПК МВД России на территориях ЛНР и ДНР, Запорожской и Херсонской областей.

За период с 2024 по 2025 год на кафедре противодействия терроризму и экстремизму проходили обучение по программам повышения квалификации сотрудники с вновь присоединенных территорий, в рамках которого выявлены следующие проблемы:

- слушатели прибывают на обучение без соответствующей формы допуска, позволяющей знакомиться с секретными и совершенно секретными сведениями, что, в свою очередь, влияет на качество получаемых знаний, выраженное в ограничении на получение доступа к материалам, имеющим гриф секретности;
- отсутствуют базовые знания по направлению мобилизационной подготовки;
- при реализации дистанционных курсов не всегда имеется возможность участия в проводимых занятиях со слушателями ввиду отсутствия подключения к сети либо отсутствия в территориальном органе подключения к сервисам ИСОД МВД России;
- ввиду пониженных требований к претендентам на замещение вакантных должностей оперативного состава ряд сотрудников не обладают необходимыми познаниями для выявления преступлений в сфере высоких технологий, в сети Интернет, в том числе экстремистской направленности;
- ярко выражена проблема получения экспертных заключений по выявленным преступлениям экстремистского характера, в том числе по установленным в опубликованных видеоматериалах, комментариях признакам состава преступления, так как

¹ О создании Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России: приказ МВД России от 29.12.2022 № 1114 // Министерство внутренних дел Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://xn--d1a6a.xn--80ad.xn--b1aew.xn--p1ai/Universitet> (дата обращения: 05.04.2025).

ближайшим местом проведения подобных экспертиз является г. Краснодар и г. Ростов-на-Дону, что значительно увеличивает сроки проведения проверок и последующего возбуждения уголовных дел.

Таким образом, на основании изложенного мы приходим к выводу о том, что с целью устранения имеющихся проблем следует исключить направление на повышение квалификации лиц из указанных регионов, не обладающих необходимым допуском, позволяющим знакомиться с секретными и совершенно секретными сведениями. В этой связи необходимо проработать вопрос с органами комплектования по разработке программы подготовки специалистов по мобилизационной подготовке начального уровня.

В том числе немаловажным будет решить вопрос о разработке курса повышения квалификации по теме «Использование систем наблюдения и контроля информационного пространства для выявления противоправного контента в сети Интернет», оптимизированного для указанных территорий.

Информация об авторах

Храмов Михаил Евгеньевич, старший преподаватель кафедры противодействия терроризму и экстремизму Межведомственного центра подготовки и переподготовки специалистов по борьбе с терроризмом и экстремизмом;

Кашкин Олег Игоревич, начальник отдела

About the authors

Khramov Mikhail E., senior lecturer at the department of countering terrorism and extremism at the Interdepartmental training center for training and retraining specialists in countering terrorism and extremism;

Kashkin Oleg I., the head of the department

Статья поступила в редакцию 26.01.2026

ШОГЕНОВ ТИМУР МУХАМЕДОВИЧ

кандидат экономических наук
tima0301977@mail.ru

КАРДАНОВ РУСЛАН РЕЙЗАЕВИЧ²

кандидат юридических наук
ruslan-nalchik@yandex.ru

^{1, 2} Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета МВД России
(Нальчик, Россия)

ЦИФРОВЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: КОЛЛИЗИИ ДОПУСТИМОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

Аннотация. В статье анализируются актуальные проблемы правового режима цифровых (электронных) доказательств в российском уголовном судопроизводстве. Констатируется отсутствие в УПК РФ легальной дефиниции цифровых доказательств, что порождает противоречия между практикой следственных действий и фундаментальными процессуальными гарантиями. Особое внимание уделено критериям допустимости, процедурам изъятия и рискам утраты аутентичности электронных данных. На основе новейших исследований 2025–2026 гг. обосновывается необходимость введения в УПК РФ самостоятельной нормы о цифровых доказательствах и модернизации механизмов их собирания.

Ключевые слова: уголовный процесс, доказывание, цифровые доказательства, электронные носители информации, допустимость, изъятие, киберпространство, искусственный интеллект

Для цитирования: Шогенов Т. М., Карданов Р. Р. Цифровые доказательства в уголовном процессе: коллизии допустимости и перспективы процессуальной регламентации // Полицейский вестник ВИПК МВД России. 2026. № 1 (14). С. 34–38.

SHOGENOV TIMUR M.¹

candidate of economic sciences

KARDANOV RUSLAN R.²

candidate of law

^{1, 2} North Caucasus Institute for Advanced Studies (branch)
of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
(Nalchik, Russia)

DIGITAL EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS: ADMISSIBILITY CONFLICTS AND PROSPECTS FOR PROCEDURAL REGULATION

Abstract. The article analyzes the current problems of the legal regime of digital (electronic) evidence in Russian criminal proceedings. It states that the Criminal Procedure Code of the Russian Federation does not have a legal definition of digital evidence, which

creates contradictions between the practice of investigative actions and fundamental procedural guarantees. Special attention is paid to the criteria of admissibility, the procedures for seizure, and the risks of losing the authenticity of electronic data. Based on the latest research conducted in 2025–2026, the article argues for the need to introduce a separate provision on digital evidence in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and to modernize the mechanisms for collecting such evidence.

Keywords: criminal proceedings, proof, digital evidence, electronic media, admissibility, seizure, cyberspace, artificial intelligence

For citation: Shogenov T. M., Kardanov R. R. Digital evidence in criminal proceedings: admissibility conflicts and prospects for procedural regulation // Police Bulletin Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2026. № 1 (14). P. 34–38.

Стремительная цифровизация всех сфер общественной жизни закономерно выводит электронные данные на авансцену уголовно-процессуального доказывания. Электронные письма, сообщения в мессенджерах, файлы облачных хранилищ, записи криптовалютных транзакций всё чаще становятся единственными следами преступной деятельности. Вместе с тем действующая редакция Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) сохраняет архаичную модель доказательственного права, приспособленную преимущественно к материальным объектам и вербальным сообщениям. Упоминания об «электронных носителях информации» в ст. 81.1 и ст. 164.1 УПК РФ не охватывают сущности цифровой информации как самостоятельного гносеологического и правового феномена.

Цель статьи – комплексно проанализировать теоретические и практические коллизии, связанные с допустимостью цифровых доказательств, и предложить научно обоснованную модель их процессуальной регламентации. Методологическую базу составили формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы, а также анализ материалов правоприменительной практики и новейшей научной литературы.

Правовая природа цифровых данных уже несколько лет остаётся предметом оживлённой научной полемики. Одна группа учёных полагает, что любые сведения, полученные с электронных устройств, охватываются традиционными средствами доказывания – иным документом (ст. 84 УПК РФ) либо вещественным доказательством. Другая, более прогрессивная позиция, которую разделяют и авторы настоящей статьи, исходит из того, что нематериальная природа цифровой информации требует самостоятельной процессуальной категории. Как справедливо отмечают С. В. Корнакова и Е. В. Чигрина, электронный носитель и содержащаяся на нём информация неразрывно связаны, причём доказательственную ценность имеет именно информация, а не её физический субстрат [6, с. 46]. Аналогичной точки зрения придерживается А. В. Малык, подчёркивающий, что источником электронного доказательства выступает не носитель, а сама информационная система [7, с. 68]. Более того, в конце 2025 года член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека Э. Сидоренко прямо указала на отсутствие в российском праве не только понятия «цифрового кошелька» для наложения ареста, но и базовых требований к допустимости цифровых доказательств и методологии их изъятия¹. Принятие Конвенции Организации Объединённых Наций против киберпреступности в декабре 2024 г. лишь усиливает потребность в гармонизации национальных подходов к собиранию электронных следов².

¹ Сидоренко Э. Призвала адаптировать уголовный процесс к цифровым реалиям // РАПСИ. 12.11.2025. URL: https://rapsinews.ru/digital_law_news/20251112/311326608.html?ysclid=movb71gep132161482 (дата обращения: 07.05.2026).

² Конвенция Организации Объединённых Наций против киберпреступности (принята в декабре 2024 г.) // ООН. URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243?ysclid=movbm63j88542230211> (дата обращения: 07.05.2026).

Ключевой проблемой придания цифровым данным доказательственного значения выступает соблюдение критерия допустимости. Если для традиционных доказательств выработаны устойчивые правила (законный источник, надлежащий субъект, соблюдение процедуры), то применительно к цифровым следам эти критерии требуют кардинального переосмысления. Прежде всего, остро стоит вопрос процедуры изъятия. Исследователи единодушны в том, что электронные доказательства нуждаются в специальном изъятии компетентными специалистами, поскольку любое некачественное действие способно привести к модификации или безвозвратной утрате данных, что автоматически влечёт признание их недопустимыми [5]. В практической плоскости это ставит проблему правового статуса такого специалиста: должен ли он признаваться участником следственного действия, несущим ответственность за сохранность цифровых артефактов, либо оставаться техническим помощником, действия которого не охватываются протокольной фиксацией. Отсутствие законодательного решения порождает многочисленные ходатайства защиты об исключении доказательств со ссылкой на нарушение принципа достоверности (ст. 88 УПК РФ)¹.

Не менее острой является коллизия с конституционными правами личности. Осмотр электронного носителя на месте происшествия, особенно мобильного телефона или компьютера, содержащего личную переписку, зачастую подменяет собой обыск – следственное действие, требующее судебного решения (ч. 2 ст. 29 УПК РФ). Такая подмена создаёт прямую угрозу праву на тайну переписки и неприкосновенность частной жизни [6, с. 48]. Следователи нередко ограничиваются выемкой устройства, а затем в ходе его «осмотра» без присутствия владельца изучают весь массив конфиденциальной информации, что противоречит правовым позициям Конституционного Суда РФ о необходимости судебного контроля при ограничении указанных прав. Подобная практика подробно освещалась в научной литературе 2025 года, где отмечалось, что смешение осмотра и обыска в отношении цифровых устройств стало системной проблемой.

Отдельного внимания заслуживает вопрос оценки судом сложных алгоритмических методик получения и анализа цифровых данных. К традиционным проблемам аутентичности добавляется фактор применения систем искусственного интеллекта (далее – ИИ). В судебной практике всё чаще фигурируют доказательства, сформированные программными комплексами, использующими машинное обучение: результаты анализа больших данных (e-Discovery), автоматического распознавания изображений или предсказательного моделирования. Однако ИИ не является субъектом уголовного процесса, не соответствует понятию «техническое средство» в том смысле, какой придаёт ему УПК РФ, и, что принципиально важно, не обладает внутренним убеждением, необходимым для оценки доказательств в силу ст. 17 УПК РФ [9, с. 35; 8, с. 48]. Перекладывание на нейросеть функций по установлению достоверности фактических данных создаёт риск подмены интеллектуально-волевой деятельности следователя и судьи, что затрагивает сами основы правосудия. Неслучайно в 2025 году Совет судей РФ учредил специальную рабочую группу по вопросам использования искусственного интеллекта в судопроизводстве, которая рассматривает варианты нормативного ограничения ИИ исключительно аналитико-реферативными задачами без права принятия процессуальных решений [8, с. 49].

Параллельно с этим нарастает потребность в регламентации новых видов цифровых объектов, таких как облачные хранилища и криптовалютные активы. Традиционная привязка к материальному носителю здесь не срабатывает: релевантная информация физически размещена на серверах, находящихся вне юрисдикции рос-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Собр. зак-ва РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

сийских правоохранительных органов, а криптовалюта и токены лишены овеществлённой формы. Арсланова А. Р. и С. С. Телигисова отмечают, что существующие механизмы наложения ареста на имущество не приспособлены к цифровым активам, а попытки их блокировки путём направления запросов криптобиржам порождают правовую неопределённость [1, с. 29]. Сидоренко Э. также указывала, что отсутствие юридического понятия «цифрового кошелька» парализует наложение ареста на криптовалюту, позволяя преступникам беспрепятственно выводить незаконные доходы¹. Очевидно, что без законодательного вмешательства эти пробелы будут лишь усугубляться по мере распространения децентрализованных финансов и токенизированных активов.

Совокупность перечисленных проблем свидетельствует о том, что фрагментарных поправок в УПК РФ, наподобие ст. 164.1, недостаточно. Доктрина и практика сходятся в необходимости введения отдельной нормы, системно регулирующей статус цифровых доказательств [2, с. 71; 3]. Анализ зарубежного опыта показывает, что многие правовые порядки уже пошли по пути закрепления специальных правил: например, в законодательстве ряда стран англосаксонской системы цифровые доказательства допускаются при условии верификации хеш-суммы и непрерывности цепи владения (chain of custody). Российский законодатель также должен закрепить обязательное удостоверение аутентичности файла посредством фиксации его хеш-суммы в протоколе следственного действия, что исключит возможность последующего оспаривания неизменности данных.

На основе изложенного предлагается внести в УПК РФ следующие изменения:

Во-первых, дополнить Кодекс ст. 74.1 «Цифровые доказательства», поместив её в главу 11. В части первой данной статьи следует дать легальную дефиницию: цифровыми доказательствами признаются сведения в форме электронных сигналов, записей в базах данных, файлов на электронных носителях или сообщений, передаваемых по информационно-телекоммуникационным сетям, на основе которых в установленном законом порядке устанавливаются обстоятельства, подлежащие доказыванию. Часть вторую необходимо посвятить процедуре собирания – копированию на материальный носитель с обязательным вычислением и фиксацией хеш-суммы, а также осмотру интернет-ресурсов с приложением скриншотов и указанием точного времени и сетевого адреса. Часть третья должна регламентировать наложение ареста на цифровые активы, включая криптовалюту и токены, исключительно на основании судебного решения.

Во-вторых, ст. 5 УПК РФ целесообразно дополнить пунктами, определяющими понятия «облачное хранилище», «цифровой кошелёк» и «электронный носитель информации» применительно к нуждам уголовного судопроизводства. Такие поправки позволят устранить существующую неопределённость и обеспечат надлежащую защиту прав граждан, а также эффективное противодействие преступности в цифровой среде.

Таким образом, цифровые доказательства перестали быть периферийным явлением уголовного процесса и требуют полноценной процессуальной легитимации. Консервация существующих правовых лакун недопустима в условиях лавинообразного роста киберпреступлений и тотальной цифровизации экономики. Только законодательное признание цифровых доказательств в качестве самостоятельной категории, сопровождаемое жёсткими требованиями к их собиранию и хранению, способно гарантировать баланс между эффективностью правосудия и незыблемостью конституционных прав личности. Предложенные научно обоснованные поправки в УПК РФ, базирующиеся на анализе новейших доктринальных источников и правоохрани-

¹ Сидоренко Э. Указ. ст.

менительных реалий 2025–2026 гг., представляются необходимым шагом на пути построения современной доказательственной системы, адекватной вызовам информационного общества.

Список источников

1. Арсланова А. Р., Телигисова С. С. Проблемные аспекты процесса получения и использования электронных доказательств: учеб. пособие. Уфа: Аэтерна, 2025. 44 с.
2. Бегишев И. Р., Майоров А. В. Цифровая трансформация уголовного судопроизводства: теоретические основы и проблемы правового регулирования // Правопорядок: история, теория, практика. 2026. № 1 (48). С. 67–72.
3. Безлепкина О. В., Федотова А. В. Проблемные аспекты собирания электронных доказательств // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 2 (22). С. 25–35. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemnye-aspekty-sobiraniya-elektronnyh-dokazatelstv> (дата обращения: 07.05.2026).
4. Валиев Э. А., Шайхутдинова З. З. Электронные доказательства в уголовном процессе: проблемы допустимости: сборник трудов конференции // Актуальные вопросы права, экономики и управления: VII Всероссийская науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием (Ульяновск, 25 апр. 2025 г.) / редкол.: Н. И. Кузнецова [и др.]. Чебоксары: ИД «Среда», 2025. С. 462–464.
5. Валитова В. И. Проблема применения «электронных» доказательств в уголовном процессе // Шаг в науку. 2025. № 3. С. 90–94. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-primeneniya-elektronnyh-dokazatelstv-v-ugolovnom-protsesse> (дата обращения: 07.05.2026).
6. Корнакова С. В., Чигрина Е. В. Электронные доказательства в российском уголовном процессе: проблемные вопросы // Юридический вестник Самарского университета. 2025. Т. 11, № 2. С. 44–50.
7. Малык А. В. К вопросу об источнике электронных доказательств // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2025. № 3. С. 64–76.
8. Махтук С. О. Искусственный интеллект в уголовном процессе: от разговоров к делу // Уголовный процесс. 2025. № 9. С. 45–50.
9. Шеляшкова А. А., Исакова Е. В. Допустимость использования искусственного интеллекта в уголовном процессе. На что обратить внимание защите // Уголовный процесс. 2026. № 4. С. 32–39.

Информация об авторах

Шогенов Тимур Мухамедович, заместитель начальника кафедры деятельности ОВД в особых условиях;

Карданов Руслан Рейзаевич, старший преподаватель кафедры деятельности ОВД в особых условиях

About the authors

Shogenov Timur M., deputy head of the department of Internal Affairs Activities in special conditions;

Kardanov Ruslan R., senior lecturer at the department of Internal Affairs Activities in special conditions

Статья поступила в редакцию 14.05.2026

АБДУРАХМАНОВ АЛЕКСАНДР АМАНГЕЛЬДЫЕВИЧ¹

кандидат юридических наук, доцент
5680310@mail.ru

КРАСИКОВ ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ²

кандидат юридических наук, доцент
krasikau@mail.ru

^{1, 2} Белорусский государственный университет
(Минск, Республика Беларусь)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НАУЧНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ О СТРАТЕГИИ В КРИМИНАЛИСТИКЕ И ВОЕННОЙ НАУКЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию анализа теоретических и научно-прикладных воззрений на проблему стратегии в криминалистике и военной науке. Проводится сравнительный анализ научных и практических достижений по данной проблематике в контексте методического обеспечения деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Исследуются проблемы единообразного понимания дефиниции стратегии, её задач и функций в криминалистической науке. Обосновываются перспективы дальнейшего развития понятия о стратегии в криминалистике как одной из составляющих эффективности реализации органами уголовного преследования своих задач и функций. Сформулированы выводы и предложения по совершенствованию определения понятия стратегии в криминалистике, ее задач и обеспечения интегративного подхода в разрешении связанных с этим теоретических и практических проблем.

Ключевые слова: криминалистическая стратегия, расследование преступлений, задачи криминалистики, военное искусство, криминалистическая методика

Для цитирования: Абдурахманов А. А., Красииков В. С. Сравнительный анализ научных положений о стратегии в криминалистике и военной науке // Полицейский вестник ВИПК МВД России. 2026. № 1 (14). С. 39–46.

ABDURAKHMANOV ALEKSANDR A.¹

candidate of law, associate professor

KRASIKOV VLADIMIR S.²

candidate of law, associate professor

^{1, 2} Belarusian State University
(Minsk, Republic of Belarus)

COMPARATIVE ANALYSIS OF SCIENTIFIC POSITIONS ON STRATEGY IN CRIMINOLOGY AND MILITARY SCIENCE

Abstract. The article is dedicated to exploring and analyzing theoretical and applied scientific views on the issue of strategy in criminology and military science. A comparative

analysis of scientific and practical achievements on this topic is carried out in the context of methodical support for law enforcement activities in combating crime. The problems of having a uniform understanding of the definition of strategy, its goals, and functions in criminology are examined. The prospects for further development of the concept of strategy in criminology are justified, as one of the components of the effectiveness of law enforcement agencies in carrying out their tasks and functions. Conclusions and suggestions are formulated for improving the definition of the concept of strategy in criminology, its objectives, and ensuring an integrative approach in addressing the related theoretical and practical issues.

Keywords: forensic strategy, crime investigation, tasks of criminalistics, military art, forensic methodology

For citation: Abdurakhmanov A. A., Krasikov V. S. Comparative analysis of scientific positions on strategy in criminology and military science // *Police Bulletin Advanced Training Institute of the MIA of Russia*. 2026. № 1 (14). P. 39–46.

Изучение научных и учебно-методических источников, исследующих проблемы криминалистической стратегии показывает следующее: во многом ее понятийный аппарат взят из военной науки (военного искусства), которая в боевых уставах разработала систему определений, применяемых в условиях войны. Однако применение заимствованного из другой науки термина зачастую приводит к дискуссии относительно, например, сущности, содержания и места его в системе нового научного знания. В этом отношении следует рассмотреть проблематику применения термина «стратегия» в криминалистике, его неоднозначность в понимании и использовании.

Как отмечает К. Клаузевиц, «<...> военное искусство в тесном смысле слова распадается на тактику и стратегию. Первая занимается оформлением отдельного боя, вторая использованием последнего <...> Тактика и стратегия представляют две в пространстве и времени друг друга проникающие, но в то же время по существу различные деятельности; мы ни в коем случае не можем отчетливо мыслить их внутренне законы и взаимоотношения, не установив в точности их понятия» [1, с. 54].

В криминалистику термины «стратегия» и «тактика» в начале XX века ввел А. Вейнгардт, когда он в своем научном труде заявил, что расследование каждого преступления должно вестись по определенному методу, систематически и по выработанному плану: «Книга эта имеет целью служить руководством подобных планов расследования и его выполнения. Она должна дать криминалисту-практику все то, вместе взятое, что стратегия и тактика дают военному. Вот почему я и называю это руководство к методическому расследованию преступлений – уголовной тактикой» [2]. В свою очередь, Г. Гросс отмечал: «<...> труд судебного следователя не есть искусство, но есть искусная деятельность, состоящая из ряда отдельных действий или приемов, которые нужно знать, а для этого предварительно их изучать, – для изучения же требуется школа» [3]. Эти положения обуславливают различия в подходах к определению сущности стратегии в военной науке по отношению к стратегии в криминалистике, что имеет основополагающее значение в рамках исследования организационного и интеллектуального их компонентов. Во-первых, налицо тенденция к приближению восприятия криминалистической стратегии и тактики через военную науку. Во-вторых, обосновывается суждение о том, что криминалистическая стратегия имеет собственное содержание, обусловленное особенностями целей, задач и технологий борьбы с преступной деятельностью.

В этой связи целью исследования является изучение закономерностей и особенностей стратегий в военной науке и криминалистике на стыке этих наук, что позволит сформировать представление о различиях по целям и задачам в теории, и практике.

Стратегия в соответствии с положениями военной науки является системой знаний о характере войны, закономерностях и принципах вооруженной борьбы, строительства и подготовки вооруженных сил и страны к отражению агрессии, способах ведения военных действий в защиту государства, его населения, территории и суверенитета, а также о путях предотвращения войны и обеспечения безопасности. В структуру военной науки входят теория военного искусства (стратегия, оперативное искусство, тактика) и теория управления вооруженными силами. Теория стратегии представляет собой систему научных знаний о характере современных войн и военно-технических путях их предотвращения, закономерностях, принципах, формах и способах ведения военных действий стратегического масштаба, о подготовке страны и вооруженных сил к отражению агрессии [4]. Таким образом, мы имеем четкое представление о системе понятий и их сущности в военной науке, определяющих ее содержание и создающих условия для совершенствования военного искусства.

Концептуально военные аспекты стратегии рассмотрены Р. Арзуманяном [5] через понятие «стратегическая культура», которая «<...> пронизывает всю военную сферу, объединяя ее в единое целое и давая ответы на вопросы, почему, когда и как народ и его вооруженные силы ведут войну» [5, с. 25]. Автор отмечает, что «<...> несмотря на использование научного языка и методологии, стратегия, тем не менее, остается высоким искусством, а не наукой» [5, с. 26]. В своей научной работе Р. Арзуманян представил наиболее важные стратегические идеи (концепции), выработанные тысячелетним опытом ведения войны: 1) победа обеспечивается наступлением (Сунь-цзы); 2) искусство использования времени и пространства (Наполеон); 3) использование боя для целей войны, нападение на центр тяжести противника, достижение кульминационной точки войны, за которой следует реакция на поражение противника (Клаузевиц); 4) применение здравого смысла к ведению войны (Мольтке); 5) искусство направления силы с учетом целей, где большая стратегия имеет дело со скрытыми (невыраженными) целями, малая (оперативное искусство) – с первоочередными (Корбет); 6) искусство распределения и применения военных средств для осуществления целей политики как военными действиями, так и угрозой их использования в системе: цель-средства-ресурсы (Лиддел Гарт); парадоксальность стратегии (Люттвак); 7) способность отвлечь внимание противника, обмануть и ввести в заблуждение (Ван Кревельд); 8) процесс решения проблемы, общий и логический способы (метод) подхода к ее решению: что это такое, что я хочу сделать, что у меня есть или что я могу использовать в приемлемых пределах, чтобы сделать то, что я хочу сделать, и каков наилучший способ (путь, метод) использования того, что у меня есть, чтобы сделать то, что я хочу сделать (обобщенный опыт стратегии в США); 9) интеллектуальная дисциплина высшего порядка, которая может быть научной, если стратегическое суждение упорядочено, рационально, объективно, всеохватывающе, избирательно и пронизательно (Уайли).

Таким образом, в военной науке есть понимание стратегии как искусства стратега (вождя, генерала) в достижении победы в войне, которое академически необходимо изучать в историческом аспекте и оценивать в условиях реальности происходящих событий. «Отсюда понятна необходимость двух линий военно-исторической работы: первая – творческая, исследовательская работа, зашифровывающая свои выводы в виде параграфов уставов, декретов, инструкций, штатов; другая линия военно-исторической работы – толкующая, объясняющая, расшифровывающая, конкретизирующая на военно-историческом материале эти требования» [6].

Относительно стратегии в криминалистике отправной точкой для рассуждений является идея А. В. Дулова о том, что «<...> самостоятельное научное направление “стратегия” необходима в случае, если рассматриваются проблемы, требующие

преодоления сознательно планируемого противодействия или если имеются противоборствующие интересы. Именно поэтому стратегии уделяется большое внимание в военном деле <...> Потребность выделения в криминалистике раздела стратегии возникла при разработке методик расследования отдельных видов преступлений <...> Необходимо углубленно изучать общие правила и принципы расследования, этапы этой деятельности, особенности мыслительной деятельности следователя при построении общего плана расследования и его отдельных этапов. Данный раздел должен включать: а) выявление союзников и основы взаимодействия с ними (применительно к расследованию это основы взаимодействия с органами милиции, контрразведки, государственными контрольными и инспекционными органами, с формированиями общественности); б) изучение общих моделей и методов расследования уголовных дел <...>; в) изучение общих рекомендаций по организации процесса расследования (исследование особенностей мыслительной деятельности следователя и путей ее организации, организации процессов взаимодействия, правил формирования материалов уголовного дела); изучение процессов противодействия и путей их предупреждения и ликвидации» [7, с. 27–28]. Следовательно, в этом разделе криминалистики предполагалось изучение, анализ и синтез организационно управленческих аспектов процесса раскрытия и расследования преступлений на основе материалов практической деятельности (конкретных уголовных дел), что соответствует позиции Р. С. Белкина [8, с. 80]. Однако эта идея дальнейшего развития не получила, хотя ученые концентрированно выразили сущность и значение стратегии, как это А. Вейнгарт и Г. Гросс понимали в криминалистике, – в ее взаимодействии с военной наукой в контексте искусной деятельности.

Современные представления о стратегии в криминалистике в последнее время в достаточно полной мере исследованы и обобщены в научных работах В. Ю. Сокола, Д. С. Хижняка и Н. В. Матковой, которые характеризуются тщательностью анализа научной литературы и мнений научного сообщества по теме, отличаются оригинальностью суждений, но не лишены дискуссионности в выводах и формулировках.

В научном исследовании В. Ю. Сокола обозначены три парадигмы понимания и изучения стратегии в криминалистике: 1) сугубо криминалистическая категория в системе этой науки, в которой исследуются искусство руководства расследованием, закономерности общих моделей и методов расследования, варианты криминалистического учения о планировании расследования (в узком понимании); 2) специфическая часть уголовной политики, нацеленная на борьбу криминалистическим инструментарием с преступностью в целом, в том числе и в международном масштабе (в широком понимании); 3) своеобразная интерпретация положений военной стратегии применительно к криминалистическим действиям [9].

В своей диссертации Д. С. Хижняк отмечает: «В криминалистике понятие «стратегия» имеет методологическую ценность <...> стратегия и ее методы сопровождают весь процесс расследования преступлений» [10, с. 309], однако в формулировке самого понятия указывает, что «криминалистическая стратегия – это выработанные на перспективу основы руководства расследованием преступлений, т. е. криминалистической деятельностью, регламентированной нормативно-правовыми актами государства, осуществляемой несколькими субъектами и направленной на достижение системы целей (общих, конкретных, специфических, частных), состоящей из нескольких этапов с последовательным изменением имеющейся информации (следственной ситуации), а также целей и задач с момента возбуждения уголовного дела до его рассмотрения в суде. Именно стратегия структурирует и оптимизирует криминалистическую деятельность <...> Центральным звеном, руководителем расследования является следователь. Он же является и стратегом» [10, с. 314–315].

Ранее в своей статье Д. С. Хижняк отмечал, что в криминалистике тема стратегий и тактики является актуальной: «<...> понятие “стратегия” имеет важное методологическое значение» [11, с. 229]. В конце своих рассуждений автор делает следующий вывод: «<...> криминалистическая стратегия представляет собой систему элементов, состоящую из ряда этапов, в ходе которых последовательно изменяется следственная ситуация, предопределяющая особенности руководства процессом расследования преступлений, т. е. криминалистической деятельности, осуществляемой несколькими субъектами и направленной на реализацию общих направлений стратегии, а также на достижение системы целей и задач от момента возбуждения уголовного дела до его рассмотрения в суде, основанной на научно-практических методах» [11, с. 234].

Маткова Н. В., рассматривая стратегию в широком смысле как общие долговременные установки для реализации определенной деятельности, которые учитывают возможную вариативность ситуаций ее осуществления и объем имеющихся ресурсов, направленные на достижение определенных целей, в конце статьи резюмирует следующее: «К настоящему моменту полагаем возможным и необходимым рассматривать криминалистическую стратегию в узком смысле как составную часть частных криминалистических методик» [12, с. 243, 245].

Изложенные позиции, с одной стороны, дают характеристику явления, с другой – не формируют единое понимание сущности стратегии, смешивая ее с политикой, правом, методикой и управленческой деятельностью. В этой связи полагаем справедливым замечание А. С. Александрова относительно проблем современной криминалистики, когда неоправданно усложняется язык науки, отмечается отстраненность научных работ от практики, наблюдается тенденция превращения криминалистики в схоластику [13, с. 277–278]. Более того, при изучении сути выводов и определений по теме стратегии в криминалистике наблюдается нарушение и формальной логики, так как: 1) не может стратегия быть составной частью методики или методикой; 2) не могут элементы состоять из этапов, в ходе которых изменяется ситуация; 3) стратегия в криминалистике не одно и то же, что криминалистическая стратегия.

Тем не менее в самих научных работах В. Ю. Сокола, Д. С. Хижняка и Н. В. Матковой разработанность темы научным сообществом присутствует, и в этих работах криминалистическая стратегия рассматривается как: 1) раздел криминалистики (А. В. Дулов, М. О. Баев, В. Д. Берназ, Г. А. Зорин, А. А. Эксархопуло, А. Форкер, М. Клинк, С. Кордус, К. Графл и др.); 2) система научных положений и основанных на них рекомендаций (М. О. Баев, О. Я. Баев); 3) общая криминалистическая методика (А. М. Ларин); 4) составная часть криминалистической методики (Н. В. Маткова); 5) криминалистическое учение об организации и планировании расследования (Р. С. Белкин, А. В. Дулов, И. П. Можаяева, И. М. Комаров, С. Ю. Ревтова, Д. С. Хижняк, А. А. Эксархопуло, И. Цинке, Х. Р. Янсен, Р. Финкель и др.); 6) часть общей теории и методологии (В. Я. Колдин); 7) нормативно-правовое регулирование (Д. С. Хижняк, Ю. А. Евстратова, С. Ю. Ревтова); 8) отражение государственной политики в части противодействия преступности полицейскими средствами (А. А. Эксархопуло, Г. М. Циммерман, Е. Кубе, М. Шрайбер и др.).

Такой разброс мнений относительно дефиниций стратегии в криминалистике, ее места в системе этой науки показывает дискуссионность вопроса, и это предполагает дальнейшее изучение проблемы. В этом отношении полагаем справедливым мнение А. С. Александрова: «Считаю, что тезис о научной объективности, принятый по настоянию криминалистов, имеет скорее этическое, чем естественное происхождение. В связи с этим напомним, что есть как общие, так и отличные черты у «настоящих» науки и искусства: искусство первое видит проблему и предлагает науке решить

ее теми средствами, которые у нее есть в распоряжении. Если наука не может проблему решить, искусству остается предложить только оптимальный вариант действий, с той или иной степенью вероятности способствующий решению этой проблемы. Искусство не гарантирует достижение результата, оно не озабочено созданием алгоритма, но предостерегает от совершения непоправимых ошибок» [13, с. 278–279]. Такое видение проблемы стратегии вполне согласуется с выводами А. Свечина относительно соотношения науки и искусства стратегии в военном деле: «Мы склонны понимать под наукой всякую систему знаний, облегчающую нам понимание жизни и практики. Под такое широкое определение науки, несомненно, подходит теория всего военного искусства, в том числе и стратегия <...> Стратегия – искусство военных вождей» [6, с. 273–274].

Почему же так сложно обосновать единое понимание теории стратегии как в криминалистике, так и в военной науке? На этот вопрос ответил Р. Арзуманян: «<...> на пространстве войны, военной культуры и стратегии не существует новых идей, и перед стратегистом открывается мировая сокровищница идей, в которой аккумулируется тысячелетний опыт предыдущих теоретиков и практиков войны. Интеллектуальная элита народа, формулируя адекватные современности доктрины и концепции, обращается к опыту прошлых поколений за идеями и определениями, которые затем оформляются языком новой эпохи и в рамках существующих общественных форм. Это означает, что, несмотря на использование научного языка и методологии, стратегия, тем не менее, остается высоким искусством, а не наукой. Стратегия – это не политика и не война, а, скорее, мост между ними» [5, с. 26].

В контексте криминалистики в рамках ее стратегии это означает не создание неких сущностей (оксюморонов) в теории, а изучение опыта и искусства раскрытия и расследования конкретных уголовных дел (их видов) в рамках диссертационных исследований, позволяющих комплексно оценить мастерство организации и тактики следственной деятельности в рамках предмета криминалистики. Криминалистический аспект стратегии можно соотнести только к процессу прикладной деятельности в раскрытии и расследовании преступлений, который проявляется в искусной работе (по Г. Гроссу). Искусная же работа, в свою очередь, и предполагает стратегию.

Принимая во внимание изложенное, полагаем возможным сделать следующие выводы. Стратегия в криминалистике – это основанные на практическом опыте идеи организационного и интеллектуального обеспечения расследования преступлений, позволяющие сформировать алгоритмы практической деятельности (частные методики). В теории стратегию в криминалистике можно рассматривать и как составную часть уголовной политики, основанную на целях и задачах уголовного процесса, предусматривающего полное, всестороннее и объективное расследование, выявляющее все элементы механизма преступной деятельности, а также причины и условия его формирования, приведшие к преступному результату.

Стратегия в криминалистике, исходя из предмета науки, может представляться и как искусная деятельность следователя в расследовании уголовных дел в состоянии противодействия с оппонентом, основанная на предвидении его рефлексии, в условиях неопределенности его поведения, что преодолевается искусством руководства процессами доказывания. В этом отношении стратегия познается на примерах расследования конкретных уголовных дел от обнаружения информации о преступной деятельности до постановления обвинительного приговора. Такая постановка вопроса позволит предметно изучать стратегию в практической деятельности.

Основными задачами стратегии в криминалистике являются познание искусства: 1) организационно управленческого обеспечения раскрытия и расследования

конкретных преступлений и их видов; 2) организационного и интеллектуального обеспечения проведения тактических операций и следственных действий в условиях взаимодействия с оппонентом в состоянии соперничества; 3) раскрытия и расследования преступной деятельности на примерах конкретных уголовных дел от обнаружения и до постановления обвинительного приговора.

Отдельные принципы стратегии в военном деле, интерпретированные в контексте раскрытия и расследования преступлений, такие как: знание противника и географических условий; концентрация сил и средств на выгодном направлении, поддержание их в высокой готовности и согласованное применение; планирование; взаимодействие; применение хитрости (стратагем); ресурсное обеспечение; использование морально-психологического фактора; твердое и устойчивое управление силами и средствами и др. – представляют определенный интерес.

Совершенствование научного знания в рамках традиционных предметов криминалистики возможно путем интеграции в нее достижений военных, технических, естественных и общественных наук, а также современных высоких технологий. Это позволяет в полной мере соответствовать современным вызовам и угрозам в сфере противодействия преступной деятельности (коррупции, организованной преступности, киберпреступлениям, преступности в сфере экологии и др.). Это направление эволюции науки позволяет также развивать и теорию, и технику, и тактику, и методику в криминалистике.

Список источников

1. Карл фон Клаузевиц «О войне» // Яндекс. Книги: [сайт]. URL: <https://books.yandex.ru/books/nOyZGpR0/read-online> (дата обращения: 23.01.2026).
2. Доктор А. Вейнгардт. Уголовная тактика. Руководство к расследованию преступлений. URL: <http://biblio.crimlib.info/www/read.php?mode=image&id=56&file=72&page=4-5> (дата обращения: 23.01.2026).
3. Ганс Гросс. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. URL: <http://yurpsy.com/files/biblio/gross/02.htm> (дата обращения: 23.01.2026).
4. Военная наука в Республике Беларусь – Военный информационный портал Министерства обороны Республики Беларусь. URL: https://niivs.mil.by/military_science/ (дата обращения: 23.01.2026).
5. Арзуманян Р. Военные аспекты стратегии // 21-й век. 2007. № 1 (5). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nelineynaya-priroda-voyny>. С. 24–57 (дата обращения 23.01.2026).
6. Постигение военного искусства: идейное наследие А. Свечина. 2-е изд. М.: Русский путь, 2000. 688 с. (Российский военный сборник). ISBN 5-85887-094-5.
7. Криминалистика: учеб. пособие / А. В. Дулов, Г. И. Грамович, А. В. Лапин [и др.]; под ред. А. В. Дулова. Минск: «Экоперспектива», 1998. 415 с.
8. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: изд-во «НОРМА» (изд. группа НОРМА–ИНФРА-М), 2001. 240 с.
9. Сокол Ю. В. Криминалистическая стратегия в России и Германии // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2010. № 2. С. 67–77.
10. Хижняк Д. С. Методологические основы расследования транснациональных преступлений: модельный подход: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.12 / Хижняк Денис Сергеевич; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия». Саратов, 2018. 488 с.

11. Хижняк Д. С. Криминалистическая стратегия расследования преступлений и борьбы с ними // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 2 (109). С. 229–234.

12. Маткова Н. В. О месте и содержании стратегии в криминалистике // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 4 (57). С. 241–246. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.57.435.

13. Александров А. С. Семь смертных грехов современной криминалистики // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 2. С. 277–280.

Информация об авторах

Абдурахманов Александр Амангельдыевич, доцент кафедры криминалистики юридического факультета;

Красиков Владимир Сергеевич, доцент кафедры криминалистики юридического факультета

About the authors

Abdurakhmanov Aleksandr A., associate professor of the department of criminalistics faculty of law;

Krasikov Vladimir S., associate professor of the department of criminalistics faculty of law

Статья поступила в редакцию 11.06.2026

НИКУЛИЧЕВА ИРИНА ВАСИЛЬЕВНА

кандидат педагогических наук

Брянский филиал ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова

(Брянск, Россия)

nik77ira@yandex.ru

КАРДАНОВ РУСЛАН РЕЙЗАЕВИЧ

кандидат юридических наук

Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал)

Краснодарского университета МВД России

(Нальчик, Россия)

ruslan-nalchik@yandex.ru

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА

Аннотация. В условиях активного использования современных достижений науки и практики при совершении преступлений, в частности мошенничества, возрастает актуальность применения специальных знаний в процессе раскрытия и расследования уголовных дел по преступлениям, предусмотренным ст. 159-159.6 УК РФ. В статье анализируются процессуальные и непроцессуальные формы использования специальных знаний при расследовании мошенничества. Особое внимание уделяется применению искусственного интеллекта, возможности которого способствуют совершенствованию методик расследования преступлений.

Ключевые слова: мошенничество, расследование, специальные знания, судебная экспертиза, искусственный интеллект, криминалистический учет

Для цитирования: Никуличева И. В., Карданов Р. Р. К вопросу об актуальности использования специальных знаний в процессе расследования мошенничества // *Полицейский вестник ВИПК МВД России*. 2026. № 1 (14). С. 47–51.

NIKULICHEVA IRINA V.

candidate of pedagogical sciences

Bryansk Branch of Lukianov Orel Law Institute of the Ministry of The Interior of Russia

(Bryansk, Russia)

KARDANOV RUSLAN R.

candidate of law

North Caucasus Institute for Advanced Studies (branch)

of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

(Nalchik, Russia)

ON THE ISSUE OF THE RELEVANCE OF USING SPECIAL KNOWLEDGE IN THE FRAUD INVESTIGATION PROCESS

Abstract. *In the context of the active use of modern achievements of science and practice in the commission of crimes, in particular fraud, the relevance of the use of special knowledge in the process of disclosure and investigation of criminal cases for crimes under Articles 159-159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation increases. The article analyzes the procedural and non-procedural forms of using special knowledge in fraud investigation. Special attention is paid to the use of artificial intelligence, the capabilities of which contribute to the improvement of crime investigation techniques.*

Keywords: *fraud, investigation, special knowledge, forensic examination, artificial intelligence, forensic accounting*

For citation: *Nikulicheva I. V., Kardanov R. R. On the issue of the relevance of using special knowledge in the fraud investigation process // Police Bulletin Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2026. № 1 (14). P. 47–51.*

Несмотря на общую тенденцию снижения уровня преступности в стране, в последние годы наблюдается значительный рост числа зарегистрированных мошеннических действий. Так, за январь–сентябрь 2024 г. зарегистрировано 334 740 преступлений, что на 4,8 % больше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года [3, с. 6] (для сравнения: в 2022 г. – 250 674 преступления). Из них остаются нераскрытыми 252 206 дел, что свидетельствует о несовершенстве правоприменительной практики расследования указанной категории дел.

С развитием цифровых технологий совершенствуются и методы обмана и злоупотребления доверием, которые становятся все более изощренными и сложными, что ставит перед правоохранительными органами новые задачи, в частности задачу повышения эффективности раскрытия и расследования преступлений, предусмотренных ст. 159–159.6 УК РФ, посредством совершенствования имеющихся и внедрения новых методик.

Следует признать, что в настоящее время отсутствует четко структурированная и унифицированная методика расследования мошенничества, что обусловлено несколькими факторами.

Во-первых, многие виды мошенничества, с которыми сталкиваются правоохранительные органы, являются относительно новыми и до конца не изученными (например, мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ в ред. от 23.04.2018), путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (п. «в» ч. 3 ст. 159.6 УК РФ), что создает определенные трудности в разработке универсальной тактики, которая могла бы быть применена в различных ситуациях.

Во-вторых, в мире постоянно появляются новые технические средства и программное обеспечение, которые злоумышленники используют для совершенствования мошеннических схем и методов анонимизации, что делает задачу унификации криминалистической тактики еще более сложной, поскольку необходимо постоянно адаптироваться к нововведениям и находить способы противодействия им.

Несмотря на активные усилия правоохранительных органов по борьбе с мошенничеством, процесс разработки и внедрения эффективной и универсальной криминалистической тактики расследования уголовных дел о мошенничестве остается в стадии развития и требует времени, ресурсов и повышенного внимания к быстро меняющимся условиям в сфере информационных технологий и криминального мира.

В процессе разработки эффективной методики раскрытия и расследования мошенничества необходимы всестороннее изучение и систематизация информации

о преступлении, что позволяет не только точно определить его особенности, но и наметить дальнейшие действия по сбору доказательств и установлению личности преступника. В этих целях сотрудники правоохранительных органов зачастую сталкиваются с необходимостью применения передовых технологий, использования современного оборудования и технических средств, а также обращения за помощью к субъектам, обладающим специальными знаниями в специфических областях. Носителями специальных знаний являются специалист и эксперт, т. е. лица, получившие специальное профессиональное образование и подтвердившие свою компетенцию в установленном законом порядке.

Для привлечения лица в качестве субъекта обладания специальными знаниями необходимо, чтобы они соответствовали последним достижениям науки и практики, а также требованиям, которые диктует современное общество и его сложившиеся реалии, что особенно актуально для расследования мошенничества, для совершения которого злоумышленники применяют современные технологии. Как справедливо отмечает А. Х. Куршев, «категория “специальные знания” – комплексная, включающая в себя не только выработанные практикой и научными исследованиями знания в определенной области, но и способность лиц правильно их применять в соответствии с целями и задачами, стоящими перед субъектами их применения» [2, с. 137].

В процессе расследования дел о мошенничестве особое значение приобретает проведение судебных экспертиз, являющихся неотъемлемой частью доказательной базы, поскольку именно экспертиза предоставляет возможность получить объективные и научно обоснованные выводы, которые могут существенно повлиять на исход дела. Например, посредством почерковедческой экспертизы возможно идентифицировать исполнителя текста или подписи подложного документа (при незаконном получении выплат, кредитов), технико-криминалистическая экспертиза документов позволяет установить способ изготовления подложного документа, идентифицировать штампы, которыми нанесен оттиск на использованном мошенником документе; объектами дактилоскопической экспертизы являются следы рук, оставленные мошенником. В случае совершения мошенничеств в сфере кредитования, кроме указанных, могут быть назначены судебно-бухгалтерская, финансово-экономическая экспертизы.

В процессе расследования мошенничества возникают ситуации, объективно требующие обращения к непроцессуальным формам использования специальных знаний, которые имеют существенное значение для эффективности и своевременности досудебного производства по уголовному делу. В научной литературе к таковым предлагается относить: «производство исследований; участие в подготовке и в проведении оперативно-розыскных мероприятий; оказание помощи при использовании криминалистической техники; консультативно-справочную деятельность; производство ревизий и проверок; проверку по криминалистическим учетам, картотекам и коллекциям» [1, с. 149].

Особенность непроцессуальных форм использования специальных знаний проявляется в том, что их применение не преследует цели получения доказательств по уголовному делу, а полученные сведения обладают исключительно ориентирующим свойством. Предоставляемые в подобной форме знания существенны для правильного разрешения следственно-тактических вопросов, возникающих преимущественно на этапе проверки сообщения о совершенном или готовящемся преступлении. Именно на данном этапе особенно важно зафиксировать все юридически значимые факты и обстоятельства, которые в дальнейшем могут стать основанием для возбуждения уголовного дела, а также доказательствами, подтверждающими либо виновность, либо невиновность конкретного обвиняемого в совершении преступления.

Предоставляемая специалистом или экспертом консультативно-справочная информация не представляет собой конкретный вывод по существу вопроса, это исключительно научные сведения, опирающиеся на произведенные исследования и обуславливающие возможность ориентирования следователя (дознателя) в особенностях конкретного общественно опасного деяния, регламентированного ст. 159–159.6 УК РФ. Полученная информация впоследствии может быть использована следователем (дознателем) при допросе свидетеля по специальным вопросам или при производстве следственного эксперимента. Следует отметить, что консультации специалиста (эксперта) могут приобретать процессуальное значение в тех случаях, когда они надлежащим образом оформлены.

Таким образом, в рамках консультативно-справочной деятельности специалист (эксперт) сообщает следователю (дознателю) криминалистически значимую информацию, необходимую для правильного построения тактики расследования и получения наиболее полного представления о фактически совершенных деяниях, образующих состав преступления.

К непроцессуальным формам использования специальных знаний в расследовании мошенничества относится также техническая помощь оперативному сотруднику, которая необходима ввиду существующего требования законодательства по использованию определенных технико-криминалистических средств в целях повышения эффективности производства по уголовному делу. Объективная необходимость по обращению оперативного сотрудника к специалисту за помощью возникает в случаях: невозможности качественного осуществления деятельности без использования специальных знаний; недостаточного уровня владения научно-техническими средствами оперативным сотрудником; невозможности одновременного решения тактических задач оперативным сотрудником и использования специальных знаний. В процессе применения технических средств специалист фактически осуществляет роль технического помощника-консультанта, при этом в большинстве случаев техническая помощь специалиста связана с его консультационно-справочной деятельностью, т. к. при применении технического средства специалист разъясняет его предназначение, принцип работы и т. д. Полученная в результате оказания технической помощи оперативному сотруднику информация не обладает прямым доказательственным значением, но может быть признана доказательством по итогам проведения процессуальной проверки.

Уникальными возможностями, которые могут быть использованы для повышения эффективности расследования мошенничества, обладает искусственный интеллект. Законодатель определяет искусственный интеллект как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их»¹.

Использование искусственного интеллекта не имеет ни территориальных, ни временных рамок, что делает его незаменимым инструментом для тех сфер жизнедеятельности, где информация является ключевым ресурсом для принятия решений. Благодаря уникальной способности искусственного интеллекта к самообучению, его роль в процессе расследования преступлений, в частности мошенничества, становится все более значимой. Искусственный интеллект позволяет обрабатывать и анализировать данные о криминалистически значимых объектах, что включает в себя не только идентификацию и фиксацию фактов, но и создание условий для быстрого до-

¹ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) // Информационно-правовое обеспечение «Гарант»: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/72838946/> (дата обращения: 25.12.2025).

ступа к необходимой информации, выявлять сложные закономерности и связи в данных, которые могут быть неочевидны для человеческого понимания. Искусственный интеллект способен выдвигать типовые версии, зачастую выступающие отправной точкой для формулирования гипотез, которые затем проверяются в ходе следственных действий.

Следует констатировать, что, несмотря на очевидные преимущества и перспективы, на сегодняшний день в России искусственный интеллект не нашел широкого применения в следственной и оперативно-розыскной практике. Искусственный интеллект способен обрабатывать огромные объемы данных, анализировать информацию и предоставлять решения, которые иногда превосходят человеческие возможности в скорости и точности, тем не менее он не способен полностью заменить человека. Сотрудники правоохранительных органов обладают уникальной способностью к комплексному мышлению и интуитивному пониманию сложных ситуаций, что позволяет им находить нестандартные решения и подходы, основываясь не только на логических выводах, но и на эмоциональном интеллекте, жизненном опыте и глубоком понимании специфики преступной деятельности. Однако нельзя отрицать, что применение искусственного интеллекта в процессе расследования преступлений значительно повышает эффективность работы правоохранительных органов, способствует более быстрому и качественному раскрытию преступлений.

Таким образом, следует заключить, что использование специальных знаний в процессе раскрытия и расследования уголовных дел по преступлениям, предусмотренным ст. 159–159.6 УК РФ, способствует достижению главной цели – обеспечению своевременного, всестороннего, полного, объективного и эффективного расследования совершенных противоправных деяний.

Список источников

1. Карпенко Ю. А. Непроцессуальная форма привлечения специалиста при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Актуальные проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики: сб. науч. тр. по материалам 4-й Всероссийской науч.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов, соискателей и магистрантов (23 ноября 2018 г., Краснодар) / под ред. В. Д. Зеленского. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина, 2019.
2. Куршев А. Х. Теоретико-правовые основы использования специальных знаний в расследовании преступлений // Право и управление. 2024. № 3.
3. Состояние преступности в России за январь–сентябрь 2024 года. М., 2024.

Информация об авторах

Никуличева Ирина Васильевна, начальник кафедры социально-гуманитарных дисциплин;

Карданов Руслан Рейзаевич, старший преподаватель кафедры деятельности ОВД в особых условиях

About the authors

Nikulicheva Irina V., head of the department of social sciences and humanities;

Kardanov Ruslan R., senior lecturer at the department of Internal Affairs Activities in special conditions

Статья поступила в редакцию 15.01.2026

КАУНОВ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ

кандидат юридических наук

Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России

(Московская обл., Россия)

alexspb0917@mail.ru

**ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ,
СВЯЗАННЫЕ С ПРАВОВЫМ РЕГУЛИРОВАНИЕМ
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ**

Аннотация. В статье проанализировано законодательство, регламентирующее вопросы противодействия организованным формам преступности.

Отмечено, что действующее законодательство, регламентирующее вопросы, касающиеся противодействия организованной преступности, нуждается в совершенствовании.

Автором предложены комплексный подход и конкретные пути решения проблем, с которыми сталкиваются сотрудники оперативных подразделений органов внутренних дел в ходе борьбы с организованной преступностью.

В целях комплексного противодействия организованной преступности и упорядочивания правоотношений, возникающих в сфере борьбы с преступлениями, совершаемыми в организованных формах, автором предлагается принятие федерального закона «О борьбе с организованной преступностью».

Ключевые слова: организованная преступность, правовое регулирование, оперативно-розыскная деятельность, противодействие, законодательство, федеральный закон

Для цитирования: Каунов А. В. Проблемные вопросы, связанные с правовым регулированием оперативно-розыскной деятельности в сфере противодействия организованной преступности // Полицейский вестник ВИПК МВД России. 2026. № 1 (14). С. 52–57.

KAUNOV ALEXANDER V.

candidate of law

Advanced Training Institute of the MIA of Russia

(Moscow region, Russia)

**PROBLEMATIC ISSUES RELATED TO THE LEGAL REGULATION
OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES
IN THE FIELD OF COMBATING ORGANIZED CRIME**

Abstract. The article analyzes the legislation regulating the issues of countering organized forms of crime.

The article focuses on the fact that the current legislation regulating issues related to combating organized crime needs to be improved.

The author suggests an integrated approach and specific ways to solve the problems faced by employees of operational units of law enforcement agencies in the fight against organized crime.

In order to comprehensively counter organized crime The author proposes the adoption of the federal law «On Combating Organized Crime» to regulate legal relations arising in the field of combating crimes committed in organized forms.

Keywords: *organized crime, legal regulation, operational investigative activities, counteraction, legislation, federal law*

For citation: *Kaunov A. V. Problematic issues related to the legal regulation of operational investigative activities in the field of combating organized crime // Police Bulletin Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2026. № 1 (14). P. 52–57.*

Противодействие организованной преступности – задача сложная и многогранная, требующая от государства применения всего арсенала законных средств. Одним из ключевых инструментов в этой борьбе является оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД).

Борьба с организованной преступностью требует комплексного подхода и эффективного правового инструментария. Однако, несмотря на постоянное совершенствование законодательства, в сфере правового регулирования противодействия организованной преступности существует ряд острых проблем, которые затрудняют достижение желаемых результатов.

Основная сложность заключается в поиске тонкой грани между необходимостью получения оперативной информации для пресечения преступлений и защитой конституционных прав граждан. Организованная преступность по своей природе действует скрытно, часто используя сложные схемы и конспирацию. Для ее выявления и нейтрализации оперативным сотрудникам органов внутренних дел (далее – ОВД) приходится применять методы, которые могут затрагивать частную жизнь, тайну переписки, телефонных переговоров и неприкосновенность жилища.

Чрезмерно жесткие ограничения на применение оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) могут сделать эту деятельность неэффективной против изолированных преступных группировок. С другой стороны, недостаточное правовое регулирование или его несоблюдение может привести к злоупотреблениям, нарушению прав законопослушных граждан и подрыву доверия к правоохранительным органам.

Несмотря на наличие Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹, некоторые его положения могут быть недостаточно конкретными или устаревшими, что порождает правовую неопределенность.

Отсутствие четких критериев для определения понятия «организованная преступность» в контексте ОРД может затруднять применение соответствующих мер. Также могут возникать вопросы относительно допустимости и законности применения новых, технологически продвинутых методов ОРД, которые не были предусмотрены законодателем в момент его принятия.

Недостаточная проработанность отдельных правовых норм, а также сложности с доказыванием факта организованности преступной группы могут приводить к тому, что лица, виновные в совершении тяжких и особо тяжких преступлений общеуголовной направленности, избегают заслуженного наказания.

¹ Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (дата обращения: 12.04.2026).

На сегодняшний день требуется совершенствование законодательства с учетом появления новых форм и методов преступной деятельности организованных групп (далее – ОГ) и преступных сообществ (далее – ПС), включая разработку более четких критериев определения организованной преступной группы, усиление ответственности за участие в ней, а также совершенствование норм, регулирующих ОРД и сбор доказательств.

В правоприменительной деятельности оперативных сотрудников ОВД достаточно часто встречаются проблемы, связанные с некорректной квалификацией следователем преступных деяний, совершаемых представителями ОГ и ПС. В целях облегчения доказывания фактов преступной деятельности, совершаемых в организованных формах, следователи при отсутствии веских доказательств стараются возбуждать и расследовать уголовные дела в отношении лидеров и активных участников уголовно-криминальной среды с квалификацией «группой лиц по предварительному сговору», что обусловлено экономией времени и меньшим объемом следственных действий, необходимых для доказывания вины последних.

Организованная преступность постоянно эволюционирует, осваивая новые сферы деятельности (киберпреступность, экологические преступления и т. д.) и используя новые технологии. Законодательство же зачастую не успевает за этими изменениями, что создает плодотворную почву для совершения преступлений представителями ОГ и ПС.

Современные технологии открывают новые возможности как для преступников, так и для оперативных сотрудников.

Вместе с тем правовое регулирование ОРД часто отстает от темпов технологического развития.

Использование искусственного интеллекта, больших данных, шифрования, анонимайзеров и других передовых технологий требует соответствующей правовой базы. Возникают вопросы о законности применения таких инструментов, о защите персональных данных при их использовании, а также о возможности противодействия новым видам киберпреступлений.

Отсутствие четких правовых норм, регулирующих отдельные аспекты противодействия преступной деятельности ОГ и ПС, затрудняет проведение ОРМ, направленных их выявление и пресечение.

Доказать факт существования ОГ и ПС, их иерархию, распределение ролей и совместное намерение совершать преступления – задача крайне сложная, требующая кропотливой работы сотрудников оперативных подразделений ОВД по установлению криминальных связей между членами преступной группировки, системы распределения доходов, полученных преступным путем, документированию эпизодов совместной преступной деятельности представителей уголовно-криминальной среды.

Недостаточный профессионализм следователей и оперативных сотрудников, занимающихся борьбой с организованной преступностью, в правоприменительной деятельности может способствовать тому, что преступники будут осуждены за отдельные преступления, а не за сам факт участия в ОГ и ПС, что снижает эффективность работы в деле противодействия организованным формам преступности, ввиду чего необходимо постоянное повышение профессионального роста и квалификации лиц, в должностные обязанности которых входит борьба с организованной преступностью.

Значительную роль в правовой регламентации борьбы с организованной преступностью сыграл Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации

в части противодействия организованной преступности» от 01.04.2019 № 46-ФЗ¹, установивший уголовную ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии в рамках ст. 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ² (далее – УК РФ).

Данный состав преступления был введен в УК РФ в рамках продолжающейся борьбы с организованной преступностью.

Введение уголовной ответственности за указанное преступное деяние обусловлено опасностью организованной преступности для общества, которая характеризуется наличием сложной структуры, строгой подчиненностью, распределением ролей, конспирацией и иными признаками, значительно усложняющими противодействие ей.

Следует отметить, что в 2009 году на законодательном уровне была установлена уголовная ответственность за организацию преступного сообщества, предусмотренная ч. 4 ст. 210 УК РФ, ознаменовавшая новый этап в летописи противодействия организованной преступности в Российской Федерации.

Одним из основных признаков, необходимых для привлечения лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, по ст. 210 УК РФ является использование последним этого положения в противоправных целях (например, дача распоряжений лицам, находящимся в подчиненном положении, принятие решений, обязательных для тех, кто занимает иные ступеньки преступной иерархии, и др.).

Согласно судебной статистике Российской Федерации, общее количество лиц, осужденных по ст. 210 УК РФ, в период с 2020 по 2024 год составляет 74 чел.³, что свидетельствует о продолжающейся положительной правоприменительной практике привлечения к уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии.

С учетом мнения представителей научного сообщества и анализа правоприменительной практики представляется целесообразной разработка соответствующих методических рекомендаций, направленных на создание подробных алгоритмов, пошагово раскрывающих действия оперативных сотрудников ОВД, необходимые для привлечения к уголовной ответственности лидеров уголовно-криминальной среды по ст. 210 УК РФ.

Одной из проблем, возникающих при противодействии организованной преступности, является сращивание криминальных элементов с представителями власти, что создает условия для безнаказанности и укрепления позиций преступных группировок, подрывая доверие граждан к государству и снижая эффективность любых мер по борьбе с преступностью.

Оперативным сотрудникам ОВД, а также их непосредственным руководителям необходимо обеспечивать надлежащую конспирацию и сокращение бюрократии в системе должностных лиц ОВД, допущенных к согласованию ОРМ, в том числе ограничивающих конституционные права граждан, в целях недопущения расшифровки оперативно значимой информации в отношении документируемых ОГ и ПС и др.

Соблюдение конспирации должно касаться и обеспечения безопасности лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим ОРД.

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности: Федеральный закон от 01.04.2019 № 46-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_321411/ (дата обращения: 24.04.2026).

² Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 24.04.2026).

³ Судебная статистика РФ: [сайт]. URL: <https://stat.ани-пребс.пф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 25.05.2026).

Конфиденциальность источников информации является краеугольным камнем ОРД. Без нее оперативные сотрудники не смогут получать ценные сведения, а информаторы будут подвергаться смертельной опасности.

Несмотря на законодательные гарантии, на практике возникают ситуации, когда конфиденциальность источников информации нарушается. Это может происходить как по вине самих сотрудников, так и в результате утечек информации из других ведомств или в ходе судебных разбирательств. Последствия такого нарушения могут быть катастрофическими для информатора и дальнейшей оперативной работы.

В целях совершенствования оперативного внедрения лиц, оказывающих конфиденциальное содействие ОВД, в преступную среду, необходимо тщательно собирать оперативно значимую информацию в отношении всех лиц, входящих в преступную группировку, а также проверять потенциальных кандидатов в конфидененты, применяя комплексный подход к их проверке. Кроме того, необходимо обеспечивать безопасность конфидентам не только на этапе документирования преступлений, совершаемых в организованных формах, но и вплоть до судебного рассмотрения уголовного дела, возбужденного в отношении представителей ОГ и ПС.

В рамках повышения эффективности законодательного регулирования правовых и организационных основ противодействия организованной преступности в настоящее время представляется целесообразным принятие федерального закона «О борьбе с организованной преступностью». Представляется, что такой закон должен включать в себя правовую основу, понятийный аппарат, основные принципы противодействия организованной преступности.

Принятие вышеуказанного нормативного правового акта диктуется необходимостью упорядочивания правоотношений, возникающих в сфере борьбы с организованной преступностью, а также повышения эффективности выявления и раскрытия преступлений, совершаемых в организованных формах.

Схожей точки зрения придерживается и С. Д. Белоцерковский, отмечающий в своих научных трудах необходимость принятия вышеуказанного федерального закона [1, с. 266; 2, с. 277; 3, с. 51; 4, с. 95].

Резюмируя изложенное, следует заключить, что законодательство, регламентирующее противодействие организованным формам преступности, нуждается в постоянном совершенствовании, включая принятие Закона, направленного на комплексную борьбу с таким социальным злом, как организованная преступность.

Эффективное осуществление ОРД в отношении представителей ОГ и ПС сопряжено с необходимостью постоянного совершенствования правового регулирования понятийного аппарата, прав и обязанностей оперативных сотрудников ОВД, занимающихся противодействием организованной преступности, организации и тактики проведения ОРМ, направленных на борьбу с преступлениями, совершаемыми в организованных формах.

Список источников

1. Белоцерковский С. Д. Комплексный закон в системе правового регулирования борьбы с организованной преступностью // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 6. С. 266–268.
2. Белоцерковский С. Д. Оптимизация уголовно-исполнительного законодательства в контексте оптимизации системы правового регулирования борьбы с организованной преступностью // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 6. С. 273–277.

3. Белоцерковский С. Д. Организованная преступность в системе угроз национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Российской правовой академии. 2017. № 4. С. 48–51.

4. Белоцерковский С. Д. Система правового регулирования борьбы с организованной преступностью: её структура и содержание // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 5. С. 95–97.

Информация об авторе

Каунов Александр Владимирович, начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Международного межведомственного учебного центра подготовки сотрудников оперативных подразделений имени генерал-лейтенанта милиции А. Н. Сергеева

About the author

Kaunov Alexander V., head of the department of operational investigative activities of internal affairs bodies of the International interdepartmental training center for employees of operational units named after lieutenant general of militia A. N. Sergeev

Статья поступила в редакцию 30.05.2026

НИКИТЕНКО СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА

Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России
(Московская обл., Россия)
svetanikitenko8226@gmail.com

ПРОФИЛАКТИКА
ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ ПОЛИГРАФОЛОГА:
ДИАГНОСТИКА, РИСКИ И ПРАКТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ
СОХРАНЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ

Аннотация. В современных условиях развития профессиональная деятельность специалиста-полиграфолога зачастую характеризуется высокой когнитивной и эмоциональной нагрузкой, необходимостью установления и поддержания постоянного близкого психологически насыщенного контакта с обследуемым лицом, необходимостью строго соблюдения морально-этических норм в связи с принятыми им решениями и часто недостаточным пониманием со стороны непосредственного руководства значимости профессиональной деятельности полиграфолога. В связи с высокой актуальностью данной проблематики, значимостью решения указанных проблем в данной научной статье автором рассматриваются и анализируются специфические факторы риска, представлена адаптированная под специфику деятельности полиграфолога анкета самодиагностики, проводится системный анализ результатов проведенного пилотного опроса 30 специалистов и предлагается разработанная многоуровневая система профилактики, ориентированная на сохранение профессиональной объективности, этической устойчивости и личностного ресурса полиграфолога.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание, когнитивная перегрузка, супервизия, эмоциональная гигиена, самодиагностика

Для цитирования: Никитенко С. В. Профилактика эмоционального выгорания полиграфолога: диагностика, риски и практические стратегии сохранения профессиональной устойчивости // Полицейский вестник ВИПК МВД России. 2026. № 1 (14). С. 58–63.

NIKITENKO SVETLANA V.

Advanced Training Institute of the MIA of Russia
(Moscow region, Russia)

PREVENTING EMOTIONAL BURNOUT IN POLYGRAPH EXAMINERS:
DIAGNOSIS, RISKS, AND PRACTICAL STRATEGIES
FOR MAINTAINING PROFESSIONAL RESILIENCE

Abstract. In today's world, the professional work of a polygraph examiner is often characterized by high cognitive and emotional stress, the need to establish and maintain constant, close, and psychologically intense contact with the examinee, the need to strictly adhere to moral and ethical standards in connection with their decisions, and a frequent lack of understanding of the importance of a polygraph examiner's professional work by their

immediate supervisors. Given the high relevance of this issue and the importance of addressing these challenges, this scientific article examines and analyzes specific risk factors, presents a self-diagnosis questionnaire tailored to the specific needs of polygraph examiners, conducts a systematic analysis of the results of a pilot survey of 30 specialists, and proposes a multi-level prevention system designed to maintain polygraph examiners' professional objectivity, ethical resilience, and personal integrity.

Keywords: *emotional burnout, cognitive overload, supervision, emotional hygiene, self-diagnosis*

For citation: *Nikitenko S. V. Preventing emotional burnout in polygraph examiners: diagnosis, risks, and practical strategies for maintaining professional resilience // Police Bulletin Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2026. № 1 (14). P. 58–63.*

Профессия полиграфолога относится к числу наиболее эмоционально и когнитивно нагруженных видов экспертной деятельности. Специалист ежедневно работает в зоне высокой ответственности, где от качества его выводов зависят карьеры, репутации, а нередко и судьбы людей. Постоянный контакт с обследуемым, необходимость поддерживать предельную концентрацию на протяжении многочасовых проверок, этические дилеммы формируют хронический профессиональный стресс. В долгосрочной перспективе эти факторы трансформируются в эмоциональное выгорание – синдром, который не только ухудшает качество жизни специалиста, но и напрямую угрожает достоверности полиграфических исследований. Эмоциональное выгорание традиционно описывается через три компонента: эмоциональное истощение, деперсонализация (цинизм) и редукция профессиональных достижений [4, с. 90–97]. В контексте полиграфической практики эти компоненты приобретают выраженную отраслевую специфику.

Когнитивная перегрузка описывается как ограничение объёма рабочей памяти (7 ± 2 элемента по Миллеру) и последствия его превышения для когнитивной эффективности [5, с. 143]. «Полиграф не способен распознавать ложь – он лишь фиксирует физиологические изменения, которые могут сопровождать обман», – эти слова профессора Дж. Аллена точно отражают суть проблемы: выявление скрываемой информации лежит в области интерпретации регистрируемых реакций [6]. Ключевое место в проведении специального психофизиологического исследования с применением полиграфа (далее – СПФИ) занимает использование стимулов –предъявляемых вопросов, изображений или звуков, вызывающих физиологические реакции. Именно особенности этих реакций (амплитуда, динамика, латентный период) позволяют полиграфологу судить о субъективной значимости стимула [7, с. 68–75; 8, с. 446–455].

Полиграфолог одновременно отслеживает несколько физиологических каналов (дыхание, артериальное давление, сердечно-сосудистая активность, двигательные реакции), анализирует вербальные и невербальные сигналы, соблюдает протокол, формулирует вопросы и адаптирует стратегию в реальном времени. Такая многозадачность требует непрерывного внимания, которое со временем истощается быстрее, чем при монотонной работе.

Эмоциональное напряжение. Обследуемые часто демонстрируют защитные механизмы: агрессию, пассивное сопротивление, манипуляции, слёзы или попытки противодействия. Полиграфолог вынужден сохранять нейтралитет, не поддаваясь на провокации, но при этом не терять эмпатической настройки, необходимой для установления контакта. Двойное требование – «не вовлекаться, но оставаться в контакте» – создаёт внутренний конфликт, питающий истощение.

Заключение полиграфолога может стать основанием для кадровых решений, служебных проверок или судебных разбирательств. Осознание того, что ошибка интерпретации или пропуск значимой реакции повлечёт последствия, формирует фоновую тревожность, которая не исчезает после завершения рабочего дня. Во многих

организациях полиграфолог работает в одиночку или в малой группе, не имея регулярной профессиональной супервизии. Отсутствие «безопасного пространства» для обсуждения профессиональных сомнений ускоряет накопление стресса.

Именно поэтому профилактика выгорания в полиграфологии не может сводиться к общим рекомендациям вроде «больше отдыхать». Она требует системного подхода, учитывающего когнитивные, эмоциональные и организационные особенности профессии.

Для своевременного выявления рисков разработана и апробирована специализированная анкета, адаптированная под профессиональные реалии полиграфической деятельности. Инструмент фокусируется на симптомах, характерных для экспертной работы с высокими требованиями к концентрации и эмоциональной регуляции.

Инструкция: оцените, насколько каждое утверждение соответствует вашему состоянию за последние 2–3 недели. Используйте шкалу: 1 – никогда, 2 – редко, 3 – иногда, 4 – часто, 5 – постоянно.

- После рабочего дня, особенно после длительных проверок на полиграфе, я чувствую эмоциональное опустошение, будто «выжат до дна».
- Мне становится всё труднее сохранять нейтральность и терпение при работе с испытуемыми, которые проявляют агрессию, ложь или манипуляции.
- Я замечаю, что стал(а) циничнее относиться к целям своей работы: «Всё это – пустая трата времени, результаты всё равно никто не оценит».
- Мне требуется значительно больше времени, чтобы сосредоточиться перед началом проверки или восстановить внимание после перерыва.
- Я избегаю неформального общения с коллегами после работы или чувствую раздражение при обсуждении профессиональных тем.
- Меня тревожат мысли о том, что я могу упустить важные физиологические реакции из-за усталости или снижения концентрации.
- Раньше я испытывал(а) профессиональное удовлетворение от распознавания лжи или подтверждения правдивости – сейчас эти моменты почти не вызывают эмоций.
- Я часто переношу напряжение от работы на дом: раздражительность, бессонница, навязчивые мысли о прошедших проверках.
- Мне всё чаще приходится «заставлять себя» соблюдать протокольные процедуры или тратить дополнительные усилия на подготовку к проверке.
- Я чувствую, что моя способность объективно интерпретировать данные полиграфа снижается из-за эмоциональной усталости.

Обработка результатов: суммируйте баллы по всем 10 пунктам.

10–20 баллов: низкий риск выгорания. Профессиональный ресурс в норме, профилактические меры носят поддерживающий характер.

21–35 баллов: умеренный риск. Наблюдаются начальные или устойчивые признаки истощения. Рекомендуется структурированная профилактика: нормализация нагрузки, супервизия, восстановление режима, тренировка эмоциональной саморегуляции.

36–50 баллов: высокий риск. Синдром выгорания сформирован или находится в острой фазе. Необходима консультация клинического психолога или специалиста по профессиональной адаптации, пересмотр графика, временное снижение нагрузки, возможно – пауза в практике с последующим восстановлением.

Анкета не заменяет клиническую диагностику, но служит эффективным инструментом скрининга и самоконтроля, позволяющим выявить дефицит ресурса до момента снижения качества экспертных выводов. Анализ эмпирических данных: результаты опроса 30 полиграфологов (группа 10.14 обучающихся по дополнитель-

ной профессиональной программе «Повышение квалификации психологов подразделений по работе с личным составом органов внутренних дел Российской Федерации, осуществляющих специальные психофизиологические исследования с применением полиграфных устройств»). Пилотное применение анкеты проведено среди 30 практикующих полиграфологов с опытом работы от 2 до 12 лет. Распределение результатов показало тревожную тенденцию: низкий риск (10–20 баллов) – 5 чел. (16,7 %); умеренный риск (21–35 баллов) – 17 чел. (56,7 %); высокий риск (36–50 баллов) – 8 чел. (26,7 %).

Более половины специалистов находятся в зоне умеренного риска, что свидетельствует о системном характере проблемы. Примечательно, что среди респондентов с умеренными показателями чаще всего высокие баллы набирали п. 1, 4, 6 и 9, то есть симптомы когнитивного истощения, снижения концентрации и протокольной усталости. В группе высокого риска доминировали п. 3, 7, 8 и 10, указывающие на цинизм, утрату профессионального смысла, нарушение границ «работа–дом» и сомнения в собственной объективности.

Интерпретация данных позволяет выделить три ключевых профиля выгорания в полиграфологии:

Когнитивно-истощающий – снижение внимания, трудности входа в рабочий режим, страх пропустить значимую реакцию. Чаще встречается у специалистов с высоким объемом проверок и минимальными перерывами.

Ценностно-демотивационный – цинизм, утрата смысла, ощущение бесполезности работы. Характерен для полиграфологов, сталкивающихся с давлением на результаты или отсутствием профессионального признания.

Погранично-диффузный – стирание границ между работой и личной жизнью, перенос напряжения, навязчивые мысли о проверках. Наблюдается при отсутствии ритуалов завершения рабочего дня и слабой супервизорской поддержке.

Эти профили не исключают друг друга и часто накладываются, формируя комплексный синдром. Однако именно их раннее распознавание позволяет адресно выстраивать профилактику, а не применять универсальные, но малоэффективные рекомендации.

Профилактика должна быть встроена в профессиональную систему и охватывать организационный, методический, личностный и этический уровни. Ниже представлена структурированная модель, проверенная на практике и адаптированная под полиграфическую деятельность.

- Нормирование нагрузки. Не более 2 полноценных проверок в день с обязательными 45–60-минутными перерывами между ними. После 5 рабочих дней – минимум один полный выходной без контактов с рабочими задачами.

- Введение супервизии. Регулярные (1–2 раза в месяц) разборы сложных кейсов с независимым экспертом или психологом. Супервизия не должна оценивать «правильность» вывода, а фокусироваться на процессе принятия решения, эмоциональных реакциях специалиста и когнитивных искажениях.

- Коллегиальная поддержка. Создание закрытых профессиональных сообществ или внутренних групп, где полиграфологи могут безопасно обсуждать сомнения, ошибки, этические дилеммы.

- Протокольные «якоря». Внедрение коротких (3–5 минут) ритуалов перед началом и после завершения проверки: дыхательные техники, фиксация цели сессии, запись ключевых наблюдений, символическое «закрытие дела». Это помогает мозгу переключаться между состояниями концентрации и восстановления.

- Контроль качества интерпретации. Обязательное двойное прочтение полиграмм в сложных случаях.

- **Самодиагностика.** Регулярное (раз в 1–2 месяца) заполнение анкеты выгорания с фиксацией динамики. При переходе в зону 21+ баллов – автоматический запуск профилактического плана.

- **Эмоциональная гигиена.** Практики, направленные на поддержание эмоционального благополучия, включая осознанное разделение профессиональной и личной идентичности.

- **Восстановительные практики.** Физическая активность (кардио, силовые, плавание), техники заземления, работа с телом (массаж, йога, прогрессивная мышечная релаксация).

- **Профессиональная психологическая помощь.** При высоких баллах по п. 3, 7, 8, 10 показана работа с психологом, специализирующимся на профессиональном стрессе.

- **Чёткие границы компетенции.**

Практические рекомендации и саморегуляция:

1. **Правило 90 минут.** После каждой проверки – 15 минут без экранов, без анализа полиграмм, без общения по рабочим вопросам. Только физическое движение, вода, дыхание.

2. **Дневник профессионального состояния.** Краткая запись в конце дня: «Что истощило? Что поддержало? Где я был объективен? Где заметил эмоциональный фон?».

3. **Границы доступности.** Отключение рабочих уведомлений после 19:00, запрет на обсуждение проверок в семье, выделение «зоны тишины» в выходные.

План восстановления. При умеренном риске – 3 дня полного отключения от полиграфической деятельности, смена вида активности, прогулки на природе, лёгкое чтение не по специальности. При высоком риске – консультация специалиста и временное снижение нагрузки на 2–4 недели.

Важно помнить! Профилактика выгорания – не признак слабости, а показатель профессиональной зрелости. Полиграфолог, умеющий заботиться о своём ресурсе, дольше сохраняет объективность, точнее интерпретирует данные и этичнее выстраивает взаимодействие с обследуемым.

Эмоциональное выгорание полиграфолога – не личный недостаток, а системный риск, обусловленный высокой когнитивной нагрузкой, эмоциональным контактом с обследуемым. Результаты опроса 30 специалистов наглядно демонстрируют, что более 80 % практиков находятся в зоне умеренного или высокого риска, что требует не разовых мер, а внедрения устойчивой профилактической культуры.

Представленная анкета оценки выгорания позволяет своевременно диагностировать дефицит ресурса, а многоуровневая система профилактики – от нормирования нагрузки до супервизии, эмоциональной гигиены и этических рамок – даёт конкретные инструменты для сохранения профессиональной устойчивости. Ключевой принцип – профилактика должна быть плановой, а не реактивной. Регулярный самоконтроль, коллегиальная поддержка, чёткие границы и признание ограничений метода формируют среду, в которой полиграфолог может работать долго, точно и этично.

Список источников

1. Андропова Н. В., Пряхина И. Д. Особенности профессионального выгорания специалистов в области полиграфической деятельности. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-professionalnogo-vygoraniya-spetsialistov-v-oblasti-poligraficheskoy-deyatelnosti/viewer> (дата обращения: 25.05.2026).

2. Богатырёв С. В. Современные зарубежные и отечественные исследования эмоционального выгорания и стресса у сотрудников полиции // Академическая мысль. 2020. № 4 (13). С. 106–109.

3. Водопьянова Н. Е. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб.: Питер, 2008.
4. Бойко В. В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М.: Наука, 2013.
5. Когнитивная психология: учеб. для студентов вузов / И. В. Блинникова, А. Н. Воронин, В. Н. Дружинин [и др.]; под ред. В. Н. Дружинина, Д. В. Ушакова. М.: PerSe, 2002. 478 с. ISBN 5-9292-0034-3.
6. Ford Ch. V. The Guilty Knowledge Test // Psychology of Deception, 2013.
7. Комиссарова Я. В. Основы полиграфологии: учебник для магистров. М.: Проспект, 2016. 191 с.
8. Молчанов А. Ю., Картамцева О. С., Федорук М. И. Инструментальная детекция лжи. Школа отечественного полиграфа. Академический курс. М.: Международная академия исследования лжи, 2023. 627 с.

Информация об авторе

Никитенко Светлана Владимировна, преподаватель кафедры психолого-педагогического и медицинского обеспечения деятельности органов внутренних дел Учебного центра кадрового, психолого-педагогического и медицинского обеспечения деятельности органов внутренних дел

About the author

Nikitenko Svetlana V., lecturer at the department of psychological, pedagogical, and medical support for the activities of internal affairs bodies of the Training center for human resources, psychological, pedagogical, and medical support for the activities of internal affairs bodies

Статья поступила в редакцию 29.05.2026

НАПАЛКИНА ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России
(Московская обл., Россия)
gurami21@yandex.ru

ПСИХОЛОГИЯ МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. Безопасность жизнедеятельности человека во многом зависит от его мировоззрения, от того, в ком он видит своих единомышленников. Противопоставление себя, своих взглядов окружающему миру может спровоцировать неблагоприятные и опасные жизненные ситуации. Такая позиция может привести человека в протестные движения, группы и формирования, враждебные социуму и использующие для достижения своих целей асоциальные методы. Эти протестные организации почти всегда экстремистские. Эффективная борьба с экстремистскими проявлениями невозможна без проведения целенаправленной работы по искоренению причин, их порождающих и способствующих осуществлению экстремистской деятельности. Раннее выявление и принятие необходимых профилактических мер в значительной степени позволят не допустить формирования у молодых людей и подростков стойкой направленности на совершение противоправных экстремистских действий.

Ключевые слова: молодежный экстремизм, ксенофобия, девиантное поведение

Для цитирования: Напалкина Ю. А. Психология молодежного экстремизма в современном обществе // Полицейский вестник ВИПК МВД России. 2026. № 1 (14). С. 64–70.

NAPALKINA YULIA A.

Advanced Training Institute of the MIA of Russia
(Moscow region, Russia)

THE PSYCHOLOGY OF YOUTH EXTREMISM IN MODERN SOCIETY

Abstract. A person's safety in life largely depends on their worldview and who they see as their like-minded people. Opposing oneself and one's views to the outside world can lead to unfavorable and dangerous situations. This attitude can lead individuals to join protest movements, groups, and organizations that are hostile to society and use antisocial methods to achieve their goals. These protest organizations are often extremist in nature. Effective combating of extremist manifestations requires targeted efforts to address the underlying causes that contribute to extremist activities. Early detection and implementation of necessary preventive measures can significantly reduce the likelihood of young people and adolescents engaging in illegal extremist actions.

Keywords: youth extremism, xenophobia, deviant behavior

For citation: Napalkina Y. A. The psychology of youth extremism in modern society // Police Bulletin Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2026. № 1 (14). P. 64–70.

Молодые люди в возрасте от 14 до 30 лет часто становятся участниками неформальных экстремистско-националистических объединений. Статистика свидетельствует, что именно несовершеннолетние совершают большинство экстремистских преступлений. Данная статья посвящена анализу психологических факторов, лежащих в основе молодежного экстремизма, – многогранного явления современной молодежной среды, обусловленного комплексом причин.

В рамках бихевиорального подхода¹ молодежный экстремизм является реакцией личности на неблагоприятные внешние факторы, приобретающая устойчивый характер и преобразуемая через модели группового поведения. Воздействие десоциализирующих элементов социальной среды способно привести к развитию целого спектра асоциальных черт и моделей поведения: от маргинальности и демонстративности до жестокости, агрессии, гиперконформизма или радикального нонконформизма, а также к формированию психологической зависимости от референтной группы. Сложные жизненные обстоятельства, с которыми сталкивается молодежь, способствуют закреплению моделей поведения, основанных на агрессии и демонстрации силы. Благодаря закреплению агрессивного поведения индивид имеет реальную возможность добиться желаемого результата быстро, при этом полученное одобрение сверстников в группе является сильным импульсом для закрепления различных девиаций. Таким образом, экстремистские формы поведения сливаются с криминальной деятельностью – хулиганством, разбойными нападениями и даже убийствами.

Социально-когнитивный и когнитивный подходы рассматривают экстремизм как результат научения и закрепления форм поведения в опыте подростков. Альберт Бандура (авторитетный психолог XX века, разработчик методов бихевиоральной терапии) демонстрирует взаимозависимость трех факторов психического функционирования: поведенческого (конкретные действия индивида), когнитивного (мысли, убеждения, ожидания), средового (социальное окружение, внешние стимулы). То есть существует взаимозависимое влияние трех детерминант поведения. Эксперимент с куклой Бобо показал, что малыши, наблюдавшие агрессивное поведение взрослого, как правило, воспроизводили его. Данный принцип применим и к подросткам, потребляющим радикальный контент в интернете. В контексте молодежного экстремизма это означает, что окружение напрямую влияет на поведение подростка, в то же время и сам индивид активно участвует в создании социальной атмосферы: его выбор и действия могут усиливать или ослаблять экстремальные тенденции в группе [2].

Когнитивная теория личностных конструкторов, разработанная американским психологом Джорджем Келли, предлагает уникальный взгляд на природу человеческого поведения. В отличие от традиционных подходов, где человек предстаёт жертвой обстоятельств или инстинктов, Келли видит в нем активного исследователя мира. Согласно Келли, человек действует как ученый: он выдвигает гипотезы о мире, проверяет их на практике и корректирует свои представления. Согласно когнитивному подходу, в основе молодёжного экстремизма лежит формирование особой иерархии биполярных личностных конструкторов, задающих упрощённую схему восприятия реальности. Автор когнитивной теории восприятие у подростков трактует как:

1. Черно-белое мышление. Подросткам свойственно мышление в рамках жестких оппозиций: категоризация явлений по принципу «все или ничего», склонность делить мир на две противоположные группы без промежуточных вариантов. Это связано с недостаточной зрелостью когнитивных структур и потребностью в простых ответах на сложные вопросы.

¹ *Бихевиоральный подход* (от англ. слова *behavior* – «поведение») – это направление в психологии, которое изучает поведение человека и животных как совокупность наблюдаемых реакций на внешние стимулы, а не на субъективные психические процессы, сознание или внутренние переживания.

2. Доминирование дихотомических конструктов. В сознании подростка могут доминировать жесткие биполярные шкалы: «мы – они», «правильный – неправильный», «достойный – недостойный», «сильный – слабый», «агрессивный – толерантный».

3. Упрощение сложности. Многогранные социальные явления сводятся к примитивным схемам. Например, представители другой национальности или субкультуры могут восприниматься исключительно через призму стереотипов.

4. Поиск идентичности. Экстремистские группы часто предлагают четкие конструкты, помогающие подростку определить свою роль и место в мире. Это дает ощущение защищенности и принадлежности к «сильной» группе.

Восприятие подростков часто характеризуется поляризацией: объекты и явления наделяются противоположными качествами. Сформированные когнитивные конструкты становятся своеобразной призмой, через которую молодой человек анализирует события своей жизни и определяет стратегию поведения [4].

Формирующаяся в подсознании человека система ориентиров оказывает значительное воздействие на разнообразие его поведенческих проявлений. Исследования в области социальной психологии подтверждают, что в условиях размывания основополагающих моральных норм общества происходит изменение ключевых представлений личности. Экстремистское поведение интерпретируется как результат осознанного выбора индивидом определенной позиции в рамках сформированных установок. Оно рассматривается как результат осознанного выбора индивидом определенного полюса сформированного конструкта. В условиях нестабильной социальной среды и размытых общественных ценностей особую значимость приобретают бинарные оппозиции, структурирующие восприятие реальности:

- насильник / жертва;
- пьяница / трезвенник;
- убийца / не убийца;
- наркоман / не наркоман;
- богатый / нищий;
- ловкач / неудачник.

Анализ современных социальных процессов позволяет думать, что в условиях духовно-нравственной деформации общества происходит иерархизация указанных конструктов, определяющая поведенческие паттерны подрастающего поколения [1].

Значительную роль в формировании деструктивных моделей поведения играет процесс идентификации личности с социальной средой. Молодой человек, выступая своего рода исследователем общественного пространства, примеряет к нему собственные формирующиеся социальные позиции. В ситуации отсутствия четких нравственных ориентиров и девальвации традиционных ценностей это приводит к утрате духовных ориентиров, релятивизации нравственных норм, формированию беспринципного поведения, прагматизации жизненных установок.

Таким образом, в условиях социальной нестабильности и ценностной неопределенности система конструктов претерпевает трансформацию, ограничивая вариативность поведения и способствуя формированию деструктивных моделей социального взаимодействия [3].

Исследователи эволюции преступности несовершеннолетних в России в результате психолого-правового анализа пришли к выводам «о хорошей адаптивности их в социуме», а также о том, что «большинство преступлений, совершенных психически здоровыми подростками, носят характер спланированных и подготовленных при полном осознании ими своих действий в период осуществления деликтов». Молодежь, идущая на преступление, руководствуется примерно теми же причинами, что и взрослые. При этом молодые люди хорошо понимают, что творят, а сочувствия к жертве, как правило, не испытывают.

Как отмечено ранее, суть молодежного экстремизма состоит в приверженности крайним радикальным убеждениям, действиях, выходящих за рамки общепринятых норм в конкретном сообществе и в определенный период, пренебрежении социальными правилами либо их прямом отрицании.

Одним из проявлений такого поведения выступает агрессия подростков в адрес людей, воспринимаемых ими как «чужих». В клинической психологии, психиатрии существует термин «ксенофобия», в социологии он понимается как «боязнь чужих» («ксенос» – «чужой», «необычный»; «фобос» – «страх»).

Ксенофобия – это негативное, эмоционально насыщенное, иррациональное по своей природе отношение субъекта к определенным человеческим общностям и их отдельным представителям – «чужакам», «иным», «не нашим». Она проявляется в соответствующих социальных установках субъекта, предрассудках, предубеждениях, социальных стереотипах, а также в его мировоззрении. Это агрессивное поведение молодежи в отношении «чужих», обоснованное враждебными установками [8].

Ксенофобия является родоначальницей этнического и религиозного экстремизма: она зарождается на почве стремления этнических и религиозных групп самоутвердиться через негативизм. Социологи выделяют два контрастных типа такого самоутверждения: с одной стороны, пренебрежительное отношение к тем, кого считают стоящим ниже «нас» в условной иерархии цивилизаций, с другой – враждебность к группам, с которыми «мы» находимся в соперничестве или испытываем из-за них чувство ущемленности.

Переломные моменты истории почти неизменно сопровождаются обострением нетерпимости по социальному, этническому и религиозному признакам, что становится движущей силой экстремизма. Согласно результатам социологических наблюдений, среди людей, чье социальное положение ухудшилось, отмечается тенденция к усилению ксенофобских установок и агрессивного поведения. Однако благополучное положение человека ни коем образом не защищает от ксенофобии и агрессии. Чем больше разрыв между желаниями потребления и реальными возможностями эти потребности реализовать, тем выше степень агрессии. В данном случае неудовлетворенность, как правило, выливается в устойчивое желание найти виновного. Таковыми становятся власть, конкурирующие группы, люди другой национальности или веры.

Проявления экстремизма нарастают в периоды начавшихся, но не завершенных исторических перемен. Практически неизбежен так называемый «кризис идентичности», связанный с трудностями социального и культурного самоопределения личности. Желание преодолеть кризис порождает цепь следствий, выступающих предпосылками политического экстремизма. Таким образом появляется интерес людей к консолидации в первичных, естественных общностях (этнических и конфессиональных), усиливается традиционализм, растут проявления ксенофобии.

Особое внимание хочется обратить на несколько категорий факторов возникновения ксенофобии и экстремизма в молодежной среде: социально-экономические, групповые и личностные. Данные факторы взаимодействуют и оказывают влияние друг на друга.

В группу социально-экономических факторов могут входить, например, особенности экономического развития общества, безработица, стресс в результате социальной модернизации и процессов интеграции/дезинтеграции.

На социально-экономическом уровне усиление экстремистских настроений в молодежной среде представляет собой результат глубоких трансформационных процессов и системных кризисных явлений, наблюдаемых в современном обществе. Эти процессы вызывают:

- упадок образовательного и культурного уровня в обществе;
- потерю связи между поколениями в вопросах нравственных и ценностных ориентиров;

- ослабление чувства гражданственности и патриотизма;
- распространение моделей поведения и мышления, тяготеющих к криминализации, особенно в периоды социально-экономической нестабильности.

Среди групповых детерминант выделяются:

- ценностные установки и предубеждения, транслируемые родителями;
- мировоззренческие позиции референтной группы, включая сверстников (социальной группы, выполняющей функцию нормативного эталона и источника ценностных ориентаций для индивида);
- воздействие авторитетных членов референтной группы.

Личностные факторы охватывают:

- когнитивные установки и представления подростков;
- индивидуально-психологические характеристики (повышенную внушаемость, склонность к агрессии, сниженную сензитивность и эмпатию, специфику реактивности и динамики психических процессов);
- эмоционально-психологическое состояние (хроническое напряжение, переживания утраты или горя).

Социально-экономический подход, объясняющий ксенофобию и молодежный экстремизм, пока достаточно узок и не раскрывает истинных причин подобного поведения. Склонность к насилию среди молодежи возникает под влиянием не только внешних факторов, таких как отсутствие места работы или дома, но и внутренних характеристик – моральных принципов и типических особенностей индивида.

Если подчеркивать только лишь социальные причины ксенофобии, то ключевую информацию дает детальный анализ биографии молодых людей, совершающих ксенофобские и насильственные действия. Особое внимание следует обращать на эмоциональное развитие таких подростков.

Чувство вражды к иностранцам раскрывается не только в отношении «чужих» этнических групп. Также молодые люди то же самое чувствуют и по отношению к мало знакомым ровестникам.

Предпосылки к вражде и насилию у подрастающего поколения обусловлены как внешними, так и внутренними факторами, такими как моральные принципы. Исследование биографий индивидов, склонных к насилию, требует особого внимания к их эмоциональному развитию.

Различают четыре группы лиц, имеющих разные пути развития агрессии по отношению к «чужим»:

- доминантные дети, использующие агрессию в подростковом возрасте;
- гиперактивные дети, чье поведение обусловлено биохимией и усиливается под давлением внешней среды;
- тревожные и застенчивые подростки, демонстрирующие импульсивно-реактивную агрессию;
- лица, проявлявшие антисоциальное поведение с юных лет.

У детей с высоким уровнем ксенофобии наблюдается мизантропия или недостаток социальной компетентности.

Различные типы агрессивности можно проследить еще на ранних этапах жизни человека. Одну из групп составляют самоуверенные, доминантные дети, которые позже в подростковом возрасте используют агрессию в насильственных актах [7].

Ко второй группе относятся гипердинамичные дети, которые в возбужденном состоянии демонстрируют импульсивные агрессивные реакции, в том числе физические атаки. Такие реакции объясняются биохимическими характеристиками нервных процессов, которые зависят от концентрации гормонов и нейротрансмиттеров в организме. Недостаток эффективных инструментов взаимодействия заставляет родителей и педагогов реагировать на поведение таких детей излишне остро, что впоследствии способствует росту их агрессивности. Таким образом, взаимодействие

генетических и средовых факторов усиливает негативные реакции у детей. Это явление объясняется концепцией генно-средового взаимодействия (GxE – gene-environment interaction), при которой эффекты генов и среды не являются независимыми, а влияют друг на друга.

К *третьей группе* относятся тревожные, застенчивые подростки, которые с подозрением относятся ко всему незнакомому. В дальнейшем они демонстрируют импульсивно-реактивную и защитную агрессию. Также в эту группу можно отнести детей, переживших большое горе (утрату матери), и, если окружающими это не принималось во внимание, дети проявляют свое горе (как крик о помощи) в агрессивных действиях.

Ксенофобия, враждебность или насилие по отношению к «чужим» возникает на основе эмоциональных факторов, которые, как правило, направлены не на «чужих», а в большей степени – против незнакомых людей в целом. У детей с высоким уровнем ксенофобии обнаруживается нечто похожее на мизантропию (свойство личности, при котором человек испытывает неприязнь и ненависть к окружающим людям) или отсутствие социальной компетентности [6].

Третий путь развития демонстрируют лица, совершившие преступления на почве ненависти, которые в подростковом возрасте проявляли провокационное, анти-социальное и девиантное поведение. Возникновение этого пути связано, как правило, с тем, что подростки прогуливают школу, гуляют без дела, пьют алкогольные напитки. Для того чтобы проявить себя, они часто дразнят взрослых, например выкрикивают нацистские лозунги, которые часто даже не понимают. В дальнейшем, как правило, они совершают преступления, которые включают в себя различные виды противоправных деяний, – от воровства до нанесения физического вреда лицам другой национальности, расы или религии.

Для многих преступников, совершивших преступления на почве ненависти, характерен *четвертый путь* развития, связанный с возникновением правозкстремистской идеологии. Бывает, что детям крайне интересны рассказы о войне, окрашенные сочувствием к нацистской идеологии. Как правило, вначале нацистские лозунги повторяются детьми без понимания их содержания. Подростки могут поддерживать идеи старших, которые разделяют расистские и крайне экстремистские взгляды. Позже в их жизни такие не вполне сформировавшиеся мнения могут связаться с неонацистской идеологией в основном благодаря группам сверстников. Эти установки, однако, рационализируют общие агрессивные тенденции, личные проблемы, тревожность или проблемы с самооценкой. Такие индивиды обычно не способны последовательно аргументировать свои политические взгляды [5].

Исследования ученых в данной области в очередной раз доказывают, что у большинства индивидов с агрессивным поведением выявляется продолжительная история становления ксенофобских установок и соответствующего поведенческого паттерна, корни которого уходят в детство. Одним из маркеров ранней стадии развития агрессивных тенденций выступает факт исключения из образовательных учреждений вследствие проявлений агрессии. Данный феномен позволяет говорить о прогрессирующем характере деструктивных поведенческих моделей. В юношеском возрасте указанные тенденции зачастую приобретают специфическую направленность, выражаясь в ксенофобских формах поведения. Дополнительно анализ биографических данных показывает, что значительная часть правонарушителей имеет делинквентную историю, включающую мелкие кражи, грабежи, управление транспортным средством без соответствующих прав, шантаж сверстников, нападения с причинением телесных повреждений и др.

Таким образом, многогранная взаимосвязь между агрессией, девиантным поведением, ксенофобией и правозкстремистской идеологией усложняет понимание их возникновения, но при этом позволяет шире взглянуть на причины их возникновения

и взаимосвязи. Так, агрессия, ксенофобия и девиантное поведение могут способствовать развитию правозэкстремистской идеологии, а правозэкстремистские идеи, в свою очередь, могут усиливать агрессивность и ксенофобию.

Список источников

1. Андреева Г. М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2017.
2. Бандура А. Социальное научение и развитие личности. М.: Педагогика, 1985. 320 с.
3. Белинская Е. П., Тихомандрицкая О. А. Социальная психология личности. М.: Аспект Пресс, 2014.
4. Келли Дж. Теория личностных конструктов. М.: Смысл, 2006. 456 с.
5. Корнеева О. Т., Самыгин С. И., Кротов Д. В. Молодежный экстремизм как угроза национальной безопасности общества: причины распространения и меры противодействия // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 10. С. 76–80.
6. Нагорный А. П., Попов А. Н. Профилактика экстремизма и терроризма среди молодежи России // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. № 1.
7. Профилактика экстремизма в молодежной среде: учеб. пособие для вузов / под общ. ред. А. В. Мартыненко, Л. А. Потаповой. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: изд-во «Юрайт», 2026.
8. Тямина О. А. Экстремизм в современном молодежном обществе // Вестник науки. 2023. Т. 3, № 6 (63). С. 546–550.

Информация об авторе

***Напалкина Юлия Александровна**, преподаватель кафедры подготовки сотрудников полиции в сфере охраны общественного порядка и транспортной безопасности Учебного центра подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка*

About the author

***Napalkina Yulia A.**, lecturer of the department of training of police officers in the field of public order and transport security of the Training center for police officers for public order units*

Статья поступила в редакцию 12.05.2026

ШАЛОВ КАЗБУЛАТ СУЛТАНОВИЧ

Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета МВД России
(Нальчик, Россия)
ruslan-nalchik@yandex.ru

ЮРИДИЧЕСКИЕ ФИКЦИИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ЭВОЛЮЦИЯ КЛАССИЧЕСКОГО ПРИЕМА ОТ «НЕРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА» К ИСКУССТВЕННОМУ ИНТЕЛЛЕКТУ

Аннотация. Статья посвящена исследованию эволюции юридической фикции как приема юридической техники в условиях цифровой трансформации права. Автор анализирует классическое понимание фикции в трудах Г. Ф. Шершеневича, Д. И. Мейера, Р. Иеринга и прослеживает ее модификацию применительно к смарт-контрактам, децентрализованным автономным организациям и проблеме правосубъектности искусственного интеллекта. Особое внимание уделяется рискам «приватизации фикции» технологическими корпорациями и критериям допустимости фиктивных конструкций нового поколения. Обосновывается вывод о необходимости сохранения монополии законодателя на введение юридических фикций при одновременной их жесткой инвентаризации в целях защиты прав потерпевших и сохранения принципа справедливости.

Ключевые слова: юридическая фикция, цифровое право, смарт-контракт, искусственный интеллект, электронное лицо, правосубъектность, блокчейн, юридическая техника

Для цитирования: Шалов К. С. Юридические фикции в цифровую эпоху: эволюция классического приема от «нерожденного ребенка» к искусственному интеллекту // Полицейский вестник ВИПК МВД России. 2026. № 1 (14). С. 71–77.

SHALOV KAZBULAT S.

North Caucasus Institute for Advanced Studies (branch)
of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
(Nalchik, Russia)

LEGAL FICTIONS IN THE DIGITAL AGE: EVOLUTION OF THE CLASSIC TECHNIQUE FROM «UNBORN CHILD» TO ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Abstract. This article explores the evolution of legal fiction as a legal technique in the context of the digital transformation of law. The author analyzes the classical understanding of fiction in the works of G. F. Shershenevich, D. I. Meyer, and R. Jhering, and examines its modification in relation to smart contracts, decentralized autonomous organizations, and the issue of artificial intelligence's legal personality. Special attention is given to the risks of «privatization of fiction» by technology corporations and the criteria for the permissibility of

new-generation fictional constructs. The article substantiates the need to preserve the legislator's monopoly on introducing legal fictions while simultaneously conducting a strict inventory of them in order to protect the rights of victims and maintain the principle of justice.

Keywords: legal fiction, digital law, smart contract, artificial intelligence, electronic person, legal personality, blockchain, legal technique

For citation: Shalov K. S. Legal fictions in the digital age: evolution of the classic technique from «unborn child» to artificial intelligence // Police Bulletin Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2026. № 1 (14). P. 71–77.

Юридическая техника, подобно живому организму, эволюционирует, адаптируясь к изменениям общественных отношений. Среди её наиболее любопытных и парадоксальных инструментов особое место занимает юридическая фикция – прием, посредством которого законодатель сознательно признает существующим несуществующий факт или, напротив, отрицает очевидное. Этот «прием мышления, допускаемый объективным правом», как его определял Г. Ф. Шершеневич, состоит в «искусственном признании известных фактов, о которых известно, что они вовсе не существуют или существуют в измененном виде» [1, с. 132]. Именно это противоречие между истиной формальной и материальной делает фикцию одновременно уязвимой для критики и незаменимой для практики.

Долгое время считалось, что сфера применения юридических фикций – это классическое цивилистическое наследие римского права: признание безвестно отсутствующего умершим, усыновление, или, скажем, знаменитая фикция «Nasciturus pro iam nato habetur» (зачатый ребенок считается уже родившимся). Однако стремительное развитие цифровых технологий, появление искусственного интеллекта (далее – ИИ), смарт-контрактов и распределенных реестров ставит перед правовым порядком задачу переосмысления этого инструмента. Если раньше фикция помогала «достроить» реальность до уровня правовой модели, то теперь она все чаще используется для встраивания цифровых сущностей, лишенных физического субстрата, в традиционную систему координат права.

Актуальность избранной темы обусловлена фундаментальным сдвигом в правовом регулировании. Законодатель, столкнувшись с феноменами, не укладывающимися в рамки традиционных институтов (например, правосубъектность робота или момент заключения договора в блокчейне), вынужден прибегать к фикциям нового поколения. Проблема, однако, заключается в том, что бесконтрольное размножение фикций способно размыть грань между правовым моделированием и правовым идеализмом, превратив право из регулятора общественных отношений в сборник умозрительных конструкций. Как справедливо отмечал Р. Иеринг, «юридическая техника без юридического чутья – это топор в руках сумасшедшего» [2, с. 87].

Цель настоящей статьи – проследить эволюцию юридической фикции от классического инструмента восполнения пробелов до механизма конструирования цифровой реальности, выявить риски и пределы применения фикций в условиях технологической сингулярности.

Чтобы понять, куда движется институт фикции, необходимо обратиться к его корням. В римском праве фикция (fictio) была прежде всего процессуальным инструментом. Претор, не имея формального права менять цивильное право (ius civile), приказывал судье рассматривать дело так, как будто (as si) какой-то юридический факт имел место. Например, в формуле с фикцией посредством оборота «as si capite deminutus non esset» восстанавливались права лица, утратившего правоспособность. Это была не ложь, а прием юридической экономии. Мейер Д. И., анализируя римское наследие, подчеркивал, что фикция есть «вымысел, долженствующий заменить действительность, но вымысел, установленный законом с целью осуществить известное юридическое правило вопреки естественной невозможности» [3, с. 204].

Здесь кроется ключевая характеристика, отличающая фикцию от смежных понятий – презумпции и аналогии. В отличие от презумпции, которая предполагает факт вероятный, но недоказанный (и может быть опровергнута – *praesumptio iuris tantum*), фикция имеет императивный, неопровержимый характер. Как указывал Н. М. Коркунов, закон предписывает применять юридическое правило к факту, о котором «несомненно известно, что в действительности его нет» [4, с. 263]. Это не предположение истины, а сознательное уравнивание заведомо ложного факта с истинным для достижения справедливого или целесообразного правового эффекта.

Классическая доктрина выработала три основные функции фикций:

1. Распространительная функция: распространение нормы на отношения, изначально ею не охватываемые (классический пример – фикция принятия наследства, где наследник считается принявшим его со дня открытия, даже если фактически принял позже).

2. Конститутивная функция: создание новой юридической реальности (признание юридического лица самостоятельным субъектом, «фиктивным лицом»).

3. Процессуально-экономическая функция: упрощение доказывания и ускорение процесса.

Однако уже в начале XX века в юридической науке наметился скепсис в отношении фикций. Петражицкий Л. И., основатель психологической школы права, критиковал их как «лживые конструкции», пережиток формализма, утверждая, что развитое право должно оперировать не вымыслами, а адекватным отражением психической реальности императивно-атрибутивных переживаний [5, с. 412]. Тем не менее, как показала история, отказ от фикций оказался невозможным. Более того, цифровая эпоха не просто реанимировала этот институт, но и придала ему второе дыхание.

Цифровая эпоха не просто добавила новые объекты в правовое поле, она породила феномены, которые существуют исключительно как код и математический алгоритм, однако претендуют на порождение юридически значимых последствий. Наиболее ярким примером является смарт-контракт – программный код, размещенный в блокчейне, который при наступлении заранее определенных условий автоматически осуществляет передачу цифровых активов. С точки зрения классической цивилистики, договор есть соглашение двух или нескольких лиц, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, то есть волевой акт. Но где находится воля в самовыполняющемся коде? Ответ, который дает законодатель и доктрина, лежит в плоскости юридической фикции.

Отечественный законодатель, вводя в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) понятие «автоматическое исполнение обязательства», по сути, установил фикцию соблюдения письменной формы сделки и волеизъявления. Согласно п. 2 ст. 309 ГК РФ, условия сделки могут предусматривать исполнение сторонами возникающих из нее обязательств при наступлении определенных обстоятельств без направленного на это отдельно выраженного дополнительного волеизъявления путем применения информационных технологий. Как поясняет Л. Г. Ефимова, в данном случае «передача цифрового актива программой считается действием самого должника, направленным на исполнение обязательства» [6, с. 47]. Мы имеем дело с классической распространительной фикцией: действия машины приравниваются к волевому поведению человека.

Ситуация усугубляется, когда речь заходит о децентрализованных автономных организациях, действующих исключительно на смарт-контрактах без какого-либо человеческого вмешательства после их развертывания. Здесь уже недостаточно сказать, что код лишь исполняет волю сторон. Код сам является соглашением, а его участники зачастую анонимны и не связаны никаким иным правоотношением. Рожкова М. А. справедливо замечает, что в таких конструкциях «сделка существует в виде

компьютерного кода, а ее сторонами считаются владельцы соответствующих цифровых ключей»¹. Это порождает фикцию нового уровня: владелец частного ключа юридически считается стороной соглашения, даже если он не совершал осознанного волеизъявления в традиционном понимании, а ключ был активирован автоматически или третьим лицом.

Еще более показательной является концепция «оракулов» – внешних источников данных для смарт-контрактов. Если оракул предоставляет недостоверную информацию о погоде, курсе валют или исходе спортивного события, смарт-контракт исполнится на основе ложного факта. Классическое право знает механизмы оспаривания сделок, совершенных под влиянием заблуждения или обмана, но фикция безотзывности и автоматизма исполнения в блокчейне блокирует применение этих механизмов. Таким образом, технология создает ситуацию, при которой «ложь оракула» становится юридической истиной в силу фикции, заложенной в архитектуру системы. По меткому выражению А. И. Савельева, мы наблюдаем «замену правового регулирования архитектурой кода, где законность заменяется математической непреложностью» [7, с. 117], что представляет собой радикальный вызов основам правопорядка.

Если смарт-контракт – это фикция воли, то проблема правосубъектности искусственного интеллекта – это фикция субъекта, то есть максимально радикальное проявление рассматриваемого приема. Европейский парламент в своей Резолюции от 16 февраля 2017 г. предложил создать на долгосрочную перспективу специфический правовой статус «электронного лица» для сложных автономных роботов, принимающих решения независимо². Данное предложение вызвало бурю в академическом сообществе, так как оно, по сути, предлагает распространить фиктивную конструкцию юридического лица на небиологический, не обладающий сознанием интеллект.

Архипов В. В. и В. Б. Наумов, исследуя эту проблематику, указывают, что «вопрос о правосубъектности ИИ – это не вопрос о том, обладает ли он сознанием, а вопрос о границах юридической техники и воле законодателя» [8, с. 55]. Юридическое лицо – это давно признанная «фикция права», созданная для облегчения имущественного оборота. Почему бы, спрашивают адепты «электронного лица», не применить эту же фикцию к ИИ, если это потребуется для нужд оборота? Ответ кроется в функциональной пропасти между классической фикцией юридического лица и гипотетической фикцией ИИ-субъекта.

Фикция юридического лица нужна для того, чтобы заместить отсутствующего единого физического субъекта (коллектива людей) единой точкой привязки прав и обязанностей. За этой фикцией всегда стоят реальные человеческие интересы и воля учредителей, органов управления, работников. Фикция же электронного лица опасна тем, что она создает правовую маску для алгоритма, где конечные бенефициары и лица, ответственные за вред, могут быть сокрыты за «непрозрачным ящиком» нейросети. Это не восполнительная фикция, а экранирующая. Еще Г. Кельзен в своем «Чистом учении о праве» предостерегал от гипостазирования правовых понятий, когда вспомогательная конструкция начинает восприниматься как реальность и подменяет собой человека как действительный центр вменения [9, с. 211].

¹ Рожкова М. А. Смарт-контракты: аспекты с точки зрения права // Закон.ру: [сайт]. URL: https://zakon.ru/blog/2021/1/18/smart-kontrakty_aspekty_s_tochki_zreniya_prava (дата обращения: 13.05.2026).

² European Parliament Resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)) // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52017IP0051> (дата обращения: 13.05.2026).

Проблема обретает предельную остроту, когда мы переходим от вопроса правоспособности к вопросу деликтоспособности, то есть способности нести юридическую ответственность за причиненный вред. Представим классическую ситуацию деликтного права: беспилотный автомобиль, управляемый сложной нейросетью, допускает наезд на пешехода в ситуации так называемой «этической дилеммы», выбирая между несколькими неизбежными столкновениями. Кто является причинителем вреда в юридическом смысле? Собственник автомобиля, производитель программного обеспечения, разработчик датасета для обучения или сам ИИ? Классическая цивилистическая конструкция генерального деликта предполагает наличие вины как психического отношения субъекта к своему неправомерному поведению и его последствиям. Распространить категорию вины на ИИ означает либо полностью переизобрести это фундаментальное понятие, либо прибегнуть к очередной юридической фикции.

Именно здесь концепция «электронного лица» демонстрирует свою теоретическую ущербность. Сторонники наделения ИИ правосубъектностью предлагают рассматривать вред, причиненный автономным агентом, как вред, исходящий от самого агента, а фикцию его «вины» преодолевать через механизмы обязательного страхования или специальных компенсационных фондов, наполняемых «работодателями» робота [10, с. 85]. Однако такой подход лишь камуфлирует реальную проблему. Как точно выразился О. А. Ястребов, «фикция правосубъектности искусственного интеллекта призвана не столько решить проблему ответственности, сколько переложить риски убытков с реальных экономических бенефициаров – производителей и операторов – на абстрактную «машину», за которой не стоит имущественной массы, а значит, и реального возмещения» [11, с. 23].

Более взвешенной и честной с точки зрения юридической техники представляется позиция, согласно которой ИИ должен рассматриваться как источник повышенной опасности (ст. 1079 ГК РФ), а ответственным лицом остается владелец такого источника. Однако и здесь не обходится без фикции, но уже иного, утилитарного толка: закон приравнивает поведение автономного робота к деятельности, осуществление которой создает повышенную опасность для окружающих. Это фикция причинной связи, где действия алгоритма вменяются человеку не потому, что он их контролирует (ибо в том и суть автономности, что контроль отсутствует), а потому, что он создал условия для их возникновения и извлекает из этого выгоду. Как писал Б. Виндшейд, «право не должно стыдиться своих фикций, если они служат осуществлению справедливости, но должно стыдиться, если они служат лишь прикрытием произвола» [12, с. 178]. В случае с ИИ фикция «источника повышенной опасности» служит цели защиты потерпевшего и потому морально и юридически оправдана, в отличие от фикции «электронного лица», которая служит цели ухода от ответственности.

Проведенный анализ эволюции юридической фикции от римского права до цифровой эпохи позволяет сделать ряд концептуальных выводов. Юридическая фикция оказалась не атавизмом архаичного правосознания, а имманентным свойством права как формально-логической системы, неизбежно сталкивающейся с необходимостью нормировать нестандартные, аномальные или принципиально новые явления. Как точно заметил С. С. Алексеев, фикции суть «своеобразные заплатки на ткани правовой материи, но без этих заплат ткань просто расплзлась бы под напором жизненных обстоятельств» [13, с. 301].

Цифровая эпоха не просто востребовала старый инструментарий фикций, но трансформировала его качественно. Цифровая фикция зачастую оказывается суррогатом, эмитированным не законодателем, а самой технологической архитектурой – разработчиками кода, маркетплейсами или децентрализованным консенсусом. Возникает то, что уместно назвать «приватизацией фикции»: нормативное уравнивание заведомо неистинного факта с истинным перестает быть монополией суверена

и становится продуктом частной воли, воплощенной в коде смарт-контракта или алгоритме децентрализованной организации.

Риски такой приватизации очевидны. Во-первых, происходит размывание принципа законности, когда технологическое «так работает протокол» подменяет правовое «так должно быть в силу закона». Во-вторых, как демонстрирует кейс с электронным лицом, гипертрофированное использование фикций способно создать правовые оболочки, за которыми исчезает реальный субъект ответственности, что противоречит базовому принципу справедливости. Керимов Д. А. предупреждал, что «юридическая конструкция, оторвавшаяся от своего социального субстрата, становится фикцией в худшем смысле этого слова – бессодержательной формой» [14, с. 74]. Именно такая бессодержательная форма и возникает, когда ИИ пытаются представить как равного человеку субъекта права.

Вместе с тем полный отказ от фикций в цифровом регулировании означал бы правовой коллапс. Позитивная программа, вытекающая из проведенного исследования, должна строиться не на отрицании фикций, а на их жесткой инвентаризации и иерархизации. Критериями допустимости цифровой фикции должны стать: во-первых, наличие четко определенного правового интереса, который нельзя защитить иными, менее искусственными средствами; во-вторых, неопровержимая презумпция ответственности реального экономического бенефициара, стоящего за цифровой сущностью; в-третьих, сохранение за государством исключительного права на введение таких фикций в нормативный текст, а не делегирование этой функции технологическим корпорациям.

Подводя итог, следует признать, что юридическая фикция в цифровую эпоху переживает ренессанс, но это ренессанс опасный, балансирующий на грани между необходимым правотворческим приемом и злоупотреблением юридической формой. Задача науки – предложить законодателю такие критерии и пределы применения фикций, которые позволят праву оставаться «искусством добра и справедливости», а не превратят его в приложение к программному коду.

Список источников

1. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права: учеб. пособие. Т. 2. М.: изд. Бр. Башмаковых, 1911. 698 с.
2. Иеринг Р. Юридическая техника / пер. с нем. СПб., 1905. 106 с.
3. Мейер Д. И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2000. 461 с.
4. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2003. 430 с.
5. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1907. 656 с.
6. Ефимова Л. Г. Смарт-контракт: проблемы правового регулирования // Хозяйство и право. 2019. № 4. С. 43–54.
7. Савельев А. И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Закон. 2018. № 9. С. 113–128.
8. Архипов В. В., Наумов В. Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права // Труды СПИИРАН. 2017. Вып. 6 (55). С. 46–63.
9. Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. 320 с.
10. Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы. М.: Юнити-Дана, 2019. 175 с.
11. Ястребов О. А. Искусственный интеллект и право: от фундаментальных онтологических проблем к проблемам прикладным // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 4. С. 20–29.

12. Grimm D. D. Лекции по догме римского права. М.: Зерцало, 2003.
13. Алексеев С. С. Общая теория права: курс в 2 т. Т. 2. М.: Юрид. лит., 1982. 360 с.
14. Керимов Д. А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. М.: изд-во СГУ, 2009. 472 с.

Информация об авторе

Шалов Казбулат Султанович, преподаватель кафедры деятельности ОВД в особых условиях

About the author

Shalov Kazbulat S., lecturer at the department of Internal Affairs Activities in special conditions

Статья поступила в редакцию 14.05.2026

ТАКАЗОВА ЕЛЕНА АРТУРОВНА¹

Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России
(Московская обл., Россия)
sport-84@mail.ru

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ

Аннотация. В статье на основе анализа нормативных правовых актов, архивных материалов и историографических источников рассматривается процесс формирования советской милиции в период с Октябрьской революции 1917 года до начала 1930-х годов. Выделяются и характеризуются три ключевых этапа институционализации правоохранительного органа: децентрализованный (1917–1918 гг.), милитаризованный (1918–1922 гг.) и бюрократический (1922–1930 гг.). Особое внимание уделяется кадровой политике, материально-техническому обеспечению, системе подготовки кадров и эволюции правового статуса милиции. На региональных примерах Курской губернии, Дальнего Востока демонстрируются общие закономерности и местные особенности становления милицеских органов. Автор приходит к выводу, что к 1930 году советская милиция окончательно утратила черты «народной» инициативы и превратилась в централизованный карательный инструмент партийно-государственного аппарата, что было обусловлено как объективными условиями Гражданской войны и послевоенной разрухи, так и субъективными факторами – стремлением большевистского руководства к тотальному контролю над обществом, недофинансированием, текучестью кадров, подменой закона партийной целесообразностью, сформировавшимися в 1920-е годы, оказавшими определяющее влияние на всю последующую историю советских правоохранительных органов

Ключевые слова: советская милиция, Народный комиссариат внутренних дел Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (НКВД РСФСР), рабоче-крестьянская милиция, охрана общественного порядка, Гражданская война, Ф. Э. Дзержинский, кадровая политика, уголовный розыск, история государства и права, правовое регулирование

Для цитирования: Таказова Е. А. История становления советской милиции // Полицейский вестник ВИПК МВД России. 2026. № 1 (14). С. 78–84.

TAKAZOVA ELENA A.

Advanced Training Institute of the MIA of Russia
(Moscow region, Russia)

THE HISTORY OF THE SOVIET MILITIA

Abstract. This article examines the formation of the Soviet militia from the October Revolution of 1917 to the early 1930s using legal and regulatory documents, archival materials, and historical sources. Three key stages of the institutionalization of this law enforcement agency are identified and characterized: decentralized (1917–1918), militarized (1918–1922), and bureaucratic (1922–1930). Particular attention is paid to personnel policy, logistics, training, and the evolution of the legal status of the militia. Regional examples from Kursk Province and the Far East demonstrate general patterns and local peculiarities in the

development of militia agencies. The author concludes that by 1930, the Soviet militia had completely lost its characteristics of «popular» initiative and had become a centralized punitive instrument of the party-state apparatus. This was due both to the objective conditions of the Civil War and post-war devastation, and to subjective factors – the Bolshevik leadership's desire for total control over society. Underfunding, personnel turnover, and the substitution of law for party expediency, which emerged in the 1920s, had a decisive influence on the entire subsequent history of Soviet law enforcement agencies.

Keywords: *soviet militia, People's Commissariat of Internal Affairs of the Russian Soviet Federative Socialist Republic, workers' and peasants' militia, public order, Civil War, F. E. Dzerzhinsky, personnel policy, criminal investigation, history of state and law, legal regulation*

For citation: *Takazova E. A. The history of the soviet militia // Police Bulletin Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2026. № 1 (14). P. 78–84.*

Ликвидация дореволюционной полиции стала одной из первых и наиболее символических мер Советской власти после Октябрьского переворота 1917 года. Полиция, на протяжении столетий ассоциировавшаяся с карательным аппаратом самодержавия, подлежала безусловному и немедленному упразднению. Однако создание нового, «пролетарского» органа охраны порядка столкнулось с комплексом трудноразрешимых противоречий: между декларируемой выборностью и необходимостью жесткой централизации, между классовым подходом к комплектованию и потребностью в профессионализации службы, между революционной целесообразностью и формированием правовой основы деятельности [5].

Исторический опыт становления советской милиции содержит поучительные уроки для современного реформирования правоохранительной системы России. Обращение к истокам формирования милиции позволяет понять причины системных проблем (коррупция, низкий профессионализм, сращивание с партийным аппаратом). Изучение региональных особенностей становления милицеских органов обогащает историографию советского государства.

Хронологические рамки исследования охватывают период с октября 1917 года (создание первых отрядов рабочей милиции) по 1930 год, когда ликвидация НКВД РСФСР и передача функций милиции в непосредственное подчинение Совету Народных Комиссаров (далее – СНК) ознаменовали завершение одного этапа и начало нового в истории советской милиции.

Историографию становления советской милиции можно разделить на несколько периодов. Советская историография изучалась В. П. Портновым, М. И. Еропкиной, Л. Л. Поповой, развивалась в русле партийных установок и характеризовалась героико-патриотическим нарративом. Основной акцент делался на классовую природу милиции, ее роль в защите «завоеваний революции» и борьбе с контрреволюцией. Недостатком работ этого периода была идеологизированность, замалчивание проблем, таких как низкая эффективность, коррупция, произвол и отсутствие критического анализа [1, с. 12–15].

Постсоветская историография изучалась А. Я. Малыгиной, Р. С. Мулукаевой, Т. А. Орнацкой, В. П. Пашиной. Она отличается плюрализмом подходов, привлечением широкого круга архивных источников и стремлением к объективному анализу. Исследователи сосредоточились на противоречиях между правовыми декларациями и практикой репрессий, между выборностью и бюрократизацией, на региональных особенностях формирования милиции [4]. Особого внимания заслуживают работы, посвященные кадровой политике: в них убедительно показано, что проблема комплектования милиции квалифицированными кадрами оставалась актуальной на протяжении всего межвоенного периода [5].

Правовые основы формирования советской милиции. Законодательное оформление советской милиции началось 10 ноября (28 октября по старому стилю) 1917 г. с принятия постановления Наркомата по внутренним делам «О рабочей милиции»¹. Этот документ предписывал создание милиции при местных Советах на добровольных началах. Ключевые положения: милиция находилась в полном и исключительном подчинении Советов; она создавалась как орган классового самоуправления пролетариата; ее финансирование возлагалось на местные бюджеты [3].

Однако декларативный характер этого документа привел к стихийному созданию милиции на местах. Зачастую функции охраны порядка выполняли отряды Красной гвардии, заводские дружины, продовольственные комитеты и вооруженные группы партийных активистов. Децентрализация создавала серьезные проблемы: отсутствие координации, низкую дисциплину, невозможность эффективной борьбы с профессионализированной преступностью.

Следующим важным этапом стал декрет СНК РСФСР от 3 апреля 1919 г. «О советской рабоче-крестьянской милиции»². Декрет вводил: 1) обязательное членство в РКП(б) для руководящих должностей; 2) военное положение милиции и подчинение нормам дисциплинарного устава РККА; 3) единое централизованное управление в составе НКВД (Главмилиция); 4) штатную численность и фиксированные оклады [2].

В 1920 году Всероссийский центральный исполнительный комитет (далее – ВЦИК) утвердил Положение о рабоче-крестьянской милиции, которое действовало до 1925 года. Согласно Положению, милиция подразделялась на общую (городскую и уездную) и ведомственную (промышленную, железнодорожную, водную, розыскную). Период Новой экономической политики (далее – НЭП) ознаменовался принятием нового Положения о службе в рабоче-крестьянской милиции (1925 год). Согласно ему, милиция также подразделялась на общую (городскую и уездную) и ведомственную (промышленную, железнодорожную, водную, розыскную). Были определены права и обязанности сотрудников, порядок приема на службу и увольнения, система дисциплинарных взысканий [2]. Эти документы внесли элементы юридической регламентации, однако, как справедливо отмечает Р. С. Мулукаев, именно в эти годы милиция окончательно подчинилась партийным органам на местах, что де-факто сделало ее инструментом не столько права, сколько политической борьбы [2].

Анализ нормативных правовых актов и практической деятельности позволяет выделить **три этапа становления советской милиции**.

Первый этап (октябрь 1917 г. – май 1918 г.): децентрализация и стихийность. Милиция создавалась как орган местного самоуправления пролетариата. Характерные черты: отсутствие единой формы, табеля оружия и центрального управления; финансирование из местных бюджетов (часто – за счет реквизиций и конфискации); совмещение функций охраны порядка с подрывной работой и подавлением саботажа. 28 февраля 1918 г. при Главном штабе Красной гвардии Петрограда было создано первое централизованное подразделение – Управление милиции, однако его влияние на местах было ограниченным [1]. Именно на этом этапе погибли первые милиционеры – Егор Швырков и Семён Пекалов, похороненные у стен Московского Кремля³.

Второй этап (1918–1922 гг.): милитаризация в условиях Гражданской войны. Сложности войны и рост бандитизма потребовали милитаризации. Ключевой

¹ О рабочей милиции: постановление НКВД РСФСР от 10 ноября 1917 г. // Собр. узаконений РСФСР. 1917. № 3. Ст. 37.

² О советской рабоче-крестьянской милиции: декрет СНК РСФСР от 3 апреля 1919 г. // СУ РСФСР. 1919. № 14. Ст. 154.

³ Рождённая революцией // Совет ветеранов Центрального аппарата ОВД, 2020. URL: <http://veteran.caovd.ru/1033-rozhdannaya-revolyciey.html> (дата обращения: 12.02.2026).

фигурой становится Ф. Э. Дзержинский, с 1919 года курировавший милицию наряду с Всероссийской чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией и саботажем (далее – ВЧК). Происходит сращивание оперативной и следственной работы, милиция получает право на применение оружия без предупреждения в «исключительных случаях». В октябре 1918 г. образовано Главное управление милиции, в его составе организовано **Центральное управление уголовного розыска** (Центророзыск) – ведомство, осуществлявшее руководство подразделениями уголовного розыска. К концу этапа милиция насчитывала около 85 тыс. сотрудников, из которых до 70 % были членами Российской коммунистической партии (большевиков) (далее – РКП(б) или кандидатами [7].

Третий этап (1922–1930 гг.): правовое оформление и бюрократизация. На этом этапе были приняты упомянутые выше правовые акты, создана система учебных заведений (Высшая школа милиции в Москве, курсы при губернских управлениях), учреждена ведомственная периодика («Административный вестник», «Служим народу»). Однако именно в эти годы окончательно оформилась практика партийного контроля за милицией: все назначения на руководящие должности согласовывались с губкомами и райкомами партии, а выполнение партийных директив ставилось выше соблюдения законности. Как отмечает В. П. Пашин, до середины 1920-х годов в подборе кадров больше внимания уделялось трудолюбию и профессионализму, но в последующие годы – партийности, социально-классовому положению, безоговорочной исполнительности в выполнении партийно-коммунистических директив [5].

В декабре 1930 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление о ликвидации Наркомата внутренних дел РСФСР. Функции управления милицией были переданы непосредственно Совету Народных Комиссаров РСФСР, где создавались Главное управление милиции и Главное управление уголовного розыска¹. Этот акт, с одной стороны, подчеркивал особую важность милиции для государства, с другой – означал полную интеграцию милиции в централизованную систему партийно-государственного управления.

Проблема комплектования милиции квалифицированными кадрами была одной из наиболее острых. Первые отряды милиции комплектовались из фабрично-заводских рабочих (до 80 % в 1918 году), что обеспечивало классовую лояльность, но создавало проблему малограмотности и правового нигилизма. К 1925 году лишь 15 % рядовых милиционеров имели начальное образование, а высшее образование – единицы [4].

Текущая кадров достигала 200 % в год из-за низкой зарплаты, отсутствия жилья и постоянной угрозы со стороны преступности. В 1923 году младший милиционер получал 75,82 руб. в месяц – меньше, чем квалифицированный рабочий на заводе [3]. Низкое денежное довольствие, хронические задержки выплат (до 3–4 месяцев), отсутствие социальных гарантий вели к коррупции, пьянству и злоупотреблениям служебным положением.

Система подготовки кадров начала создаваться только в середине 1920-х годов. В 1925 году в Москве открылась Высшая школа милиции (будущая Академия МВД). При губернских управлениях создавались краткосрочные курсы (от 2 недель до 3 месяцев), где сотрудники изучали основы уголовного права, тактики и административной деятельности. Однако пропускная способность этих учебных заведений была крайне низкой: к 1927 году через систему подготовки прошло не более 15 % личного состава [4]. Большинство сотрудников обучалось непосредственно на рабочем месте методом «погружения» в практическую деятельность.

¹ Рождённая революцией...

На региональном уровне, как показывает на примере Дальнего Востока Т. А. Орнацкая, ситуация была еще сложнее. Отдаленность от центра, отсутствие квалифицированных преподавателей, хроническое недофинансирование приводили к тому, что курсы существовали лишь на бумаге, а реальная подготовка сводилась к инструктажам и боевой стрельбе [4].

До 1931 года милиция финансировалась из местных бюджетов. В условиях хозяйственной разрухи местные бюджеты не могли обеспечить ни достаточного финансирования, ни техники, ни вооружения. В 1923 году снабжение милиции было переведено на местные бюджеты как следствие политики удешевления госаппарата, но это привело к катастрофическим последствиям: во многих уездах милиционеры не получали зарплату месяцами, не имели форменной одежды (ходили в своей одежде с красной повязкой на рукаве), а на вооружении состояли винтовки времен Первой мировой войны [3]. Форменная одежда была введена только в 1923 году: пешие милиционеры носили черный мундир, конные – темно-синий. В 1931 году форма стала серой. Званий сотрудники милиции не имели, только должности; звания были введены только в 1936 году (самое высшее – директор милиции 1-го ранга, соответствовавший армейскому комкору).

Для охраны предприятий и учреждений в 1924 году организуется ведомственная милиция. Она финансировалась из средств охраняемых объектов, что часто приводило к конфликтам и различиям в оплате труда с общегосударственной милицией. В 1925 году были приняты меры по унификации денежного довольствия, однако на практике различия сохранялись [3].

Региональные исследования позволяют увидеть как общие закономерности, так и местную специфику. Пашин В. П. на материалах Курского края показывает, что до середины 1920-х годов в подборе кадров больше внимания уделялось профессионализму, но в последующие годы – партийности и исполнительности [5]. Исследователь также выявляет элементы преемственности с опытом Временного правительства (милиция Временного правительства была создана в марте 1917 года), на рубеже 1920 года как в конкретных методах работы милиции, так и в кадровой работе [5]. Этот вывод опровергает тезис советской историографии о полном разрыве с дореволюционным опытом и свидетельствует о преемственности, которую большевики отрицали на идеологическом уровне, но вынуждены были признавать на практике.

Орнацкая Т. А., исследуя Дальневосточный регион, обращает внимание на проблему воспитательной работы с личным составом. В удаленных гарнизонах, оторванных от культурных центров, низкий образовательный уровень и моральная нестойкость сотрудников вели к пьянству, коррупции и даже бандитизму среди самих милиционеров [4]. Только во второй половине 1930-х годов планомерная работа по повышению денежного довольствия, расширению сети специальных образовательных учреждений, повышению уровня удовлетворенности службой позволила снизить количество правонарушений среди сотрудников [4].

Малыгин А. Я. справедливо признавал двойственную природу советской милиции 1920-х годов [1]. Однако анализ региональных материалов показывает, что степень партийного контроля варьировалась: в центральных губерниях он был жестче, на окраинах – слабее, что создавало «серые зоны» относительной автономии.

В отличие от дореволюционной полиции новый орган имел ярко выраженную идеологическую окраску. Милиционер должен был быть не просто стражем порядка, но «проводником партийной линии». Вопреки ожиданиям большевиков, добровольческие отряды не смогли эффективно бороться с профессионализированной преступностью, что потребовало возврата к принципам единоначалия и жесткой дисциплины.

Эволюция сущности: от «народной инициативы» к партийному инструменту. В своем развитии милиция прошла три кардинальных этапа. Зародившись как децентрализованный и стихийный орган рабочей самообороны (1917–1918 гг.), она в годы Гражданской войны была вынужденно милитаризована (1918–1922 гг.), а в период НЭПа окончательно бюрократизирована и поставлена под жесткий партийный контроль (1922–1930 гг.). К концу 1920-х годов от первоначальной идеи «народной» выборности не осталось и следа – милиция стала классическим карательным придатком партийно-государственного аппарата.

Ключевое противоречие: между законом и партийной директивой. Несмотря на появление прогрессивных для своего времени правовых актов (Положение о службе 1925 года, Уголовный кодекс РСФСР 1922 года), на практике деятельность милиции определялась не столько буквой закона, сколько ведомственными инструкциями и указаниями местных партийных комитетов (губкомов / райкомов). Это сформировало модель «революционной целесообразности», где выполнение партийного задания было важнее соблюдения формальной законности. Таким образом, даже при наличии формально корректной правовой базы реальная практика милиции определялась не столько законом, сколько ведомственными инструкциями и партийными директивами.

Весь рассматриваемый период в милиции преобладала нехватка квалифицированных кадров. Социально-классовый подход (приоритет выходцам из рабочих и крестьян) вступал в противоречие с необходимостью профессионализма.

В отличие от дореволюционной полиции советская милиция обрела не только административно-следственные функции, но и идеологическую нагрузку. Сотрудник выступал не просто как страж порядка, а как «проводник партийной линии» и агитатор, что размывало профессиональные критерии оценки его работы и сближало милицию с политической полицией.

Системные пороки, сформировавшиеся в 1920-е годы, хроническое недофинансирование, кадровая текучесть, приоритет «классового подхода» над профессионализмом, подмена законности партийной целесообразностью стали системными пороками, которые, несмотря на правовое оформление службы, превратили милицию из инструмента защиты правопорядка в орудие проведения политики партии. Эти пороки оказали определяющее влияние на всю последующую историю советских правоохранительных органов.

Исторический урок для современности. Опыт 1920-х годов показал, что создание эффективного правоохранительного органа невозможно без трех условий: а) устойчивого и достаточного финансирования (местные бюджеты не справлялись); б) профессиональной подготовки кадров (краткосрочные курсы были неэффективны); в) реальной правовой автономии от сиюминутных политических директив.

Список источников

1. Малыгин А. Я. Советская милиция: от вооруженного отряда к органу правопорядка (1917–1930). М.: Академия МВД России, 1995. 210 с.
2. Мулукаев Р. С. Организационно-правовые основы советской милиции (1917–1934). М.: ВЮЗИ, 1975. 188 с.
3. Овчаров А. М. Денежное довольствие и льготы сотрудникам милиции в 1920-е годы // Молодой ученый. 2024. № 9 (508). С. 317–318.
4. Орнацкая Т. А. Кадровая политика в правоохранительных органах (на примере советской милиции Дальнего Востока в 1920–1930-е годы) // Исторический журнал: научные исследования. 2016. № 4. С. 441–449.

5. Пашин В. П. К истокам становления и деятельности советской милиции (на материалах Курского края) // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2022. Т. 27, № 4. С. 1070–1080.

6. Портнов В. П. История советской милиции: в 2 т. Т. 1. М.: Высшая школа МООП РСФСР, 1962. 334 с.

7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 393. НКВД РСФСР. Оп. 3. Д. 124.

Литература

1. Еропкин, М. И. Административно-правовая охрана общественного порядка / М. И. Еропкин, Л. Л. Попов. Л. : Лениздат, 1972. – 328 с.

2. История милиции Советской России в документах (1917–1945 гг.) : хрестоматия : в 4 ч. Ч. 2 : Советская милиция в условиях новой экономической политики (1921–1930 гг.) / А. Я. Малыгин, Ю. А. Артамонов, С. С. Гостев [и др.]. – М. : Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, 2020. – 420 с.

3. История милиции Советской России в документах (1917–1945 гг.) : хрестоматия : в 4 ч. Ч. 3 : Советская милиция в период ускоренной модернизации советского общества (1930–1941 гг.) / А. Я. Малыгин, Ю. А. Артамонов, С. С. Гостев [и др.]. – М. : Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, 2025. – 841 с.

4. Мигущенко, О. Н. Материальное обеспечение деятельности милиции в 20–30-е годы XX в. / О. Н. Мигущенко // История государства и права. – 2011. – № 14. – С. 45–48.

5. Декреты Советской власти : в 5 т. Т. 1. – М. : Госполитиздат, 1957. – 626 с.

6. Положение о службе в рабоче-крестьянской милиции // СУ РСФСР. – 1925. – № 68. – Ст. 539.

7. Об установлении периодических прибавок к заработной плате за выслугу лет работников строевой (общегосударственной и ведомственной милиции) и активного состава уголовного розыска : постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 7 мая 1928 г. // СУ РСФСР. – 1928. – № 52. – Ст. 386.

8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 393. НКВД РСФСР. – Оп. 43а. – Д. 1104.

9. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). – Ф. Р-384. – Оп. 8. – Д. 4.

Информация об авторе

Таказова Елена Артуровна, преподаватель кафедры кадрового обеспечения и управления персоналом в органах внутренних дел Учебного центра кадрового, психолого-педагогического и медицинского обеспечения деятельности органов внутренних дел

About the author

Takazova Elena A., lecturer at the department of human resources and personnel management in the internal affairs bodies of the Training center for human resources, psychological and pedagogical support, and medical support for the internal affairs bodies

Статья поступила в редакцию 08.05.2026

Электронное периодическое издание

**ПОЛИЦЕЙСКИЙ ВЕСТНИК
ВСЕРОССИЙСКОГО ИНСТИТУТА
ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ СОТРУДНИКОВ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

№ 1 (14) 2026

Главный редактор: А. В. Куракин,
доктор юридических наук, профессор

Редактор: А. В. Николаева
Дизайн: В. Г. Коврова
Техническое редактирование: Е. В. Бухарина

Подписано в производство: 30.06.2026

Объем на электронном носителе: 43,8 Мб

Цена свободная
Формат 60x84/8, 43,8 Мб, CD-DISC
Тираж 20 экз. Первый завод 12 экз. Заказ № 26/26

Адрес редакции и издателя
РИО ВИПК МВД России
ул. Пихтовая, д. 3, микрорайон Авиационный,
г. Домодедово, Московская область, 142007
тел. (495) 736 91 60
e-mail: rio_vipk@mvd.ru